

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – гранд

«ЭКСМО»

2011

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – гранд / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2011 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-53941-3

Сэр Ричард твердо, решительно и наотрез отказался от королевской короны, ему не нужны новые проблемы. Его верные лорды, прекрасная эльфийка, маги, капитаны океанских кораблей уговаривали напрасно. Потому что под простым, ясным и для всех обнародованным планом своего сюзерена таится еще один. О котором знает только он. И если о нем узнает хотя бы подушка, он ее сожжет.

ISBN 978-5-699-53941-3

© Орловский Г. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – гранд

Часть первая

Глава 1

Когда произносится слово «ребенок», у меня почему-то ассоциации всегда с мальчиком, хотя да, понимаю, ребенок – это нечто общее, девочка все-таки тоже в какой-то степени ребенок, хоть и не совсем, да.

Изаэль весело показала мне язык, еще остроконечнее и длиннее, чем ее уши, но такой же фигурно вырезанный, с милой ложбинкой посредине, и даже сделала его умильной трубочкой.

– Останешься мужем Гелионтэль, – прощепетала она ехидно, – навеки!

– Брехня, – сказал я, – пока не родится мальчик!

Она фыркнула.

– Да? И не мечтай!.. У нас рожают раз в сто лет. Если вообще очень сильно повезет насчет второго раза.

Я пробормотал:

– Это что, вы от галапагосских черепах, что ли?.. Ну я даю, ну я орел... Хотя вообще-то я ж не черепах? Может быть, мои дурные гены поборют ваши мудрые. В жизни дурак всегда побеждает, не знали?.. Эх, не видели, кто в правительстве... В общем, я ради друга Астральм-эля должен хоть из кожи вылезти, но постараться насчет наследника мужеского пола, звания и титула.

Она мило опустила громадные ресницы, пряча смех. Вообще-то меня не пугает перспектива остаться вечным мужем прекрасной эльфийки. В этом мире мужчины гибнут часто, потому даже церковь разрешает разные варианты тетравленда, хотя и не поощряет, как было после великой чумы, когда нужно было просто спасти население Европы.

Вошел сэр Вайтхолд, собранный и чопорный. На пороге застыл только на мгновение, но, настоящий аристократ, вежливо и с достоинством поклонился даме. Я восхитился, с каким хладнокровием и воспитанием высокорожденного не замечает ни ее громадных дивных глаз с ресницами в ладонь, ни торчащих розовых ушей.

– Ваша светлость, – произнес он ровным голосом, – ужинать будете в зале или... в виде исключения?

– В виде, – ответил я. – Я чавкаю, знаете ли. И не хочу сдерживаться. Это портит удовольствие.

– Хорошо, – сказал он. – Я распоряжусь.

Он направился к двери, а там вдруг повернулся так резко, что Изаэль, как догадываюсь по шороху, едва не выскочила от испуга в окно.

Взгляд его снова направлен только на меня, но с такого расстояния точно держит в поле зрения и прекрасную эльфийку.

– На двоих?

Я кивнул.

– Да, а то она все у меня пожрет. Хоть и маленькая, но прожорливая.

– Что-нибудь, – проговорил он с сомнением, – не простое?

Я посмотрел с любопытством на него, на замершую в божественном испуге эльфийку.

– А спросите, сэр Вайтхолд, у нее лично.

Он отвесил совсем уж учтивый поклон гостье:

– Леди... вам что-нибудь специальное подать?

Напряжение и страх еще не оставляли ее. Но она превозмогла себя и ответила чистым высоким голосом, как птичка, научившаяся говорить по-человечески:

– Да... если можно.

– Что? – спросил он и, видя ее непонимающий взгляд, пояснил: – Нашу еду или что-то особое? Жареных птичек или сушеных червячков, например?.. Можно мучных червей...

Она явно струсилась, но отважно пропищала:

– Мне достаточно хрюктов.

Он сказал с облегчением:

– Сейчас все будет, благородная... гм, леди.

Она не сдвигалась с места, глаза огромные, будто все еще не верит, что это происходит в самом деле, у нее что-то вежливо спрашивают, а не бросаются с кулаками.

В комнату начали входить слуги, тихие и молчаливые, перекладывали с подносов на стол блюда с крупными гроздьями роскошного винограда, сочные краснобокие яблоки, груши, в отдельных вазочках клубника, земляника, черника, черная и красная смородина.

На застывшую эльфийку поглядывали с жадным любопытством, уходили чуть ли не на цыпочках.

Когда за последним закрылась неслышно дверь, я сказал весело:

– Ну что? Не съели?

Она с трудом перевела дух, но с самым независимым видом пожала узкими плечиками:

– Подумаешь! Это потому, что я твоя гостья, а тебя все боятся. А так бы палками забили.

– Рыцари, – сказал я, – отнесутся дружелюбно. И вся знать. Потому на всякий случай сперва держись их общества. И вообще их круга, это защита. А потом и простой народ смирится...

Она в нерешительности смотрела на блюда с жареным гусем, кусками оленины, на коричневые комочки запеченных в тесте мелких птичек.

Я сказал ободряюще:

– Тебе не обязательно есть все! Можешь выбрать...

Она пробормотала:

– Да тут все... несъедобное...

– Ошибаешься, – сказал я. – Ты что, собираешься все время сидеть в плаще? Или ты под ним голая?.. Сними и повесь во-о-он туда! На тот рог, что возле гобелена с охотой...

Она сняла плащ и послушно отправилась вешать на указанный олений рог, а я торопливо сотворил несколько ломтей сыра разных сортов, кусок сотового меда и мороженое шариками в вазочке.

Больше не успел, она зацепила плащ, по-женски хозяйственно расправила складки и пошла обратно. Ее глаза разом стали еще громаднее и вытаращенное.

– А этого, – прошептала она в испуге, – я не заметила...

– Женщины такие невнимательные, – сказал я обидчиво. – Мы для вас, как рыбы о дерево... Начни с сыра. В нем нет крови. А потом это вот кругленькое.

Она под села за стол, я видел, как оглядывает блюда и вазы с фруктами, в глазах любопытство, у эльфов почти все есть, но мелкое, дикое, а здесь окультуренное, отобранное даже не за века, за тысячелетия. Дикое яблоки, к примеру, у них размером с грецкий орех, а вот эти, что на столе, можно брать в обе ладони.

Сыр она лопала с аппетитом, восторгалась нежнейшим вкусом, а когда очередь дошла до мороженого, вообще пришла в восторг, завизжала, как мелкая зверушка:

– Что это?.. Я никогда такого не пробовала!

– Даже королева Синтифаэль не едала, – сказал я гордо, – не едывала.

– А ты откуда знаешь?

– Можешь спросить.

– А ты чего это не ешь? – поинтересовалась она. – ЖЫвотное, как ты можешь вот так пожирать мясо?..

– Могу, – заверил я. – С аппетитом. Я пожиратель, предатор! А ты, как разведчица в мире людей, должна бы научиться тоже.

– Да ни за что, – промычала она с набитым ртом.

– Страшно?

– Мы – эльфы, благородный и высокорожденный народ!

– Это где ж высоко, – спросил я, – на дереве? Так пора слезть и быть к людям поближе. У нас много чего есть. Как мороженое?

– Вот эти шарики? Они сами тают во рту!

– Лопай-лопай, – сказал я заботливо, – только не простудись с непривычки. Вы тут, дикари, и снега, наверное, не видели...

За окном уже темно, в небе ярко горит одинокая звезда, Изаэль покосилась в ту сторону и чуточку отодвинулась вместе со стулом, уходя из-под строгого взгляда колючего глаза. Крыши домов и построек тускло блестят в лунном свете, воздух тих и неподвижен, как и этот призрачный свет, который так любят эльфы. Или не эльфы, а феи...

Заканчивая с мороженым, она тревожно покосилась огромными пугливыми глазами на мою постель. В ее взгляде я прочел мучительное колебание. Мне показалось, что сердечко ее стучит учащенно, даже дыхание, как у маленького олененка, что в страхе бежит и бежит через темный лес, потеряв маму.

Я поинтересовался как можно мягче:

– Наелась?.. Или что-то заказать еще?

– Спасибо, – просипела она застывшим горлом, – а то я уже замерзла вся... И вообще...

– Что-то не так? – спросил я. – Только скажи.

Она вздрогнула и затрясла головой:

– Нет, все так... Просто ночью возвращаться ой как страшно! Я все удивляюсь, как это я вдруг решила пробраться в этот ужас, где живут эти чудовища. Наверное, очень хотелось перед своими похвастаться.

– Ты невероятно отважная, – сказал я с сочувствием. – Просто, я даже не знаю, какая ты! К счастью, хозяин здесь я, и потому весь дворец в твоём распоряжении, а он крупнейший! Только скажи, и любая комната или зал станет твоей спальней.

Она сказала обрадованно:

– Ой, как здорово! Буду рассказывать, никто не поверит... Только знаешь...

Она посмотрела на дверь, вздрогнула и съежилась.

– Что? – спросил я.

Она вскинула мордочку, огромные глазищи безумно-яркого синего цвета, небесный аквариум какой-то, беспомощно-испуганное выражение, всмотрелась снизу вверх в мое лицо.

– У вас все страшно, – пожаловалась она. – А в этом огромном нагромождении каменных глыб мне так жутко, что могу уписаться. Я храбрая и отважная, но вообще-то трусливая. Я лягу с тобой, хорошо?

Я пробормотал чуточку ошалело:

– Благодарю за доверие, даже не знаю, комплимент это или оскорбление... Конечно, я не против, еще как не против... Но, понимаешь, я не дерево, как бы не совсем дерево, а то и вовсе не дерево...

Я чувствовал, что несу какую-то чушь, но Изаэль заметно приободрилась, смотрит с любопытством, в безумной синеве ее глазищ загорелись веселые огоньки.

– Я разведчица, – сказала она почти задорным, хотя все еще трусливым голоском, – помнишь?

– Ну...

– Мы давно наблюдаем за людьми, – напомнила она. – Помнишь, как мы встретились? И мне всегда было любопытно, что вы за существа такие странные и непонятственные?

Я пробормотал:

– Ну, как тебе сказать... Самый лучший способ узнать – это не прятаться в лесу, а вот так, как ты. Пришла и жрешь, как суслик, да еще и командуешь.

Она возмутилась:

– Я?.. Да в мире нет более тихой мышки!

– Тогда вот что, мышка, – сказал я дружески. – Раздевайся и лезь под одеяло. Кровать громадная, одеялом можно огород накрывать, так что до утра не встретимся.

– Отвернись, – потребовала она.

Я отвернулся, слышал как за спиной шелестит ее сбрасываемая одежда, затем прошлепали по полу легкие босые лапки, словно пробежал утенок, колыхнулся воздух от поднятого одеяла, и, наконец, донесся ее пищащий голосок:

– Можешь поворачиваться.

Она устроилась на боку, укрывшись по самое ухо, глаза блестят страхом и жадным любопытством, а наблюдает за мной, как мелкий зверек из норки.

Приотворилась дверь, сэр Вайтхолд вошел степенный, глядящий прямо перед собой и не замечающий никакой постели.

– Ваша светлость, – сказал он чересчур громко, – простите, что так поздно, но управитель уверяет насчет чрезвычайности.

– Давай его сюда, – велел я.

Он все-таки повел глазом в сторону ложа, но Изаэль юркнула под одеяло вся, только кончик уха остался торчать, весьма незамеченный его хозяйкой.

Сэр Вайтхолд вышел, Изаэль снова высунулась и только открыла рот, чтобы сказать что-то или спросить, как появился Бальза, он не вошел, а вбежал бодрым петушком, сразу закладывая много раз.

– Ваша светлость, – сказал он быстро, – я знаю, как вы безумно заняты и работаете, как отец народа, даже ночью, потому и решил только ввиду чрезвычайной срочности и безотлагательности!..

– Хорошо-хорошо, – прервал я его нетерпеливо.

– Я всего в двух словах! – заверил он.

– Говори, – велел я.

– Несмотря на все ваши усилия, – сказал он скороговоркой, – несколько лордов все же намереваются, используя смерть короля-тирана, вернуть себе старые права и привилегии.

– Которые отнял я?

– Нет-нет, что вы, ваша светлость! Которые отнял тот жестокий тиран, справедливо свергнутый вашей светлостью!

– Это хорошо, – сказал я, – что еще те привилегии... Дальше.

– В том числе, – закончил он и поклонился, – хотят вернуть и собственные армии из вассалов.

– А это уже серьезно, – сказал я. – Имена, адреса?

Он вытащил из складок необъятного халата небольшой сложенный вчетверо листок.

– Вот здесь, ваша светлость. Простите, что мелкими буквами... Таился, когда записывал. Рисковал.

В списке двенадцать имен, напротив каждого Бальза проставил еще более мелкими цифирками размер занимаемых земель, сумму годового дохода и количество рыцарей в личной дружине.

Глава 2

Я читал, поглядывая на него поверх списка. Бальза напоминает тех византийских евнухов, которых я, понятно, не видел, но слышал. Якобы они управляли империей, в то время как императоры там сменялись, убивали, травили и душили друг друга, а спасал страну от гибели какой-нибудь кастрированный в молодости Нарзес.

Правда, Бальза не будет у меня командовать войсками, как делал этот Нарзес, сумевший уничтожить государство остготов, считавшихся до того непобедимыми, но создавать армию, комплектовать, одевать и кормить – да, это сможет, как мне кажется.

Сейчас старается выглядеть услужливым и глуповатым, у таких меньше недоброжелателей, мудрый ход, но правители должны видеть то, что есть на самом деле, а не то, что им показывают.

– Бальза, – сказал я, – ты сделал очень важное дело, раскрыв серьезный государственный заговор. Следи за ними и дальше. Если поболтают и успокоятся, то ничего не предпринимай, у нас свобода слова, совести и конфессий, а если вздумают выступить, сразу дай знать заранее. Если выполнишь, велю добавить к твоему фамильному имени «к», и это останется также и для твоих потомков.

Он икнул от неожиданности, пал на колени и проговорил, запинаясь:

– Ваша светлость!.. Это слишком, слишком много за мои скромные усилия...

– Значит, – сказал я важно, – делай так, чтоб они были не слишком уж скромными! Кроме того, как я уже говорил, я продолжаю политику Гиллеберда.

– Ваша светлость?

– Это значит, – пояснил я, – мне нужна сильная и боеспособная армия, что подчиняется именно центральной власти.

Он поклонился.

– Да-да, ваша светлость! Тому, кто платит.

– Вижу, – сказал я одобрительно, – ты все понял правильно. Действуй в этом направлении.

Он исчез непривычно быстро для своей громадной туши. Мое обещание прибавить аристократическое «к» к его простонародному имени сразу же переводит его в разряд потомственных аристократов. Помню, так поступил один из писателей, что страдал от своего плебейского происхождения, и эту важную букву втихую присобачил к своему фамильному имени сам.

Изаэль высунулась из-под одеяла по плечи, по-детски угловатые, милые, как у девочки-подростка, сказала недовольно:

– Это что, они к тебе и в спальню вот так?

Я раскрыл рот, чтобы ответить умно и с достоинством, но вошел сэр Вайтхолд, повел в сторону юркнувшего под одеяло существа ничего не выражающим взглядом.

– Ваша светлость, нужно подписать некоторые бумаги...

– Давай, – ответил я обреченно. – Надеюсь, действительно срочные.

– Срочные я оставил на утро, – буркнул он.

– А это?

– Безотлагательные, и весьма.

Он выложил на стол целую стопку и начал подавать по одному листу. Я быстро подписался вычурно и замысловато, во всем Сен-Мари только я могу вот так лихо, как заправский писарь, у всех пальцы привычны больше к рукояти меча, топора, дубины или лопаты.

Сэр Вайтхолд молча ждал, я щелчком ногтя отправил лист на его сторону стола, он ухватил, быстро посыпал мелким песочком, подул, сильно выпячивая щеки и становясь похожим на Борея, каким его изображают на углах всех карт, быстро и ловко сложил вчетверо, левая рука

еще прижимает края, а правая ухватила за ручку крохотный ковшик, я бесстрастно наблюдал, как поднес узкий носик к сгибу, полилась тонкая красная струйка расплавленного сургуча.

Так же артистично быстро он вернул ковшик на подставку, под ней вяло горит крохотная свеча, а письмо обеими руками, это знак почтения, передвинул ко мне, продолжая зажимать края.

Я взял печать, похожую на фигурку ферзя, прижал доньшком к красной лужице, и когда через пару секунд отнял, там остался красивый оттиск моей гербовой печати.

Он тут же передвинул бумагу по столу на свою сторону, снова подул на печать, поклонился и, быстро повернувшись, пошел к двери. Я видел в открытую дверь, как жестом подозвал невидимого мне помощника и вручил мое письмо.

Дальше, насколько помню эту процедуру, помощник выйдет в соседнюю комнату, где молча ждут молодые и бодрые парни в одежде королевских гонцов, сунет первому от двери, тот ухватит письмо и помчится со всех ног, прыгая через три ступеньки, пока не выскочит во двор, где уже ждут оседланные кони, а остальные гонцы синхронно передвинутся на одно сиденье ближе к двери.

Все проделывается молча, ни единого лишнего жеста, а когда величаво вернулся, то провозгласил мощно, как дворецкий:

– Следующее!

Это, как я понимаю, на тот случай, если я уже заснул в государственных заботах о судьбах королевства.

Остальные бумаги, к счастью, нужно только подписывать, обычные вельможные указы и эдикты, одни будут оглашены в Савуази, другие молча останутся при дворе как инструкции к применению.

Изаэль, любопытствуя, высунулась из-под одеяла до половины и старалась разглядеть, что мы делаем такое непонятое, но едва сэр Вайтхолд делал движение чуть повернуться, тут же юркала в свое убежище и пряталась с головой, забывая про уши.

Когда я подписал последнюю, он церемонно поклонился.

– Спасибо, ваша светлость. Простите, что оторвал...

– Ничего вы у меня не оторвали, – возразил я. – Всегда пожалуйста. Работа – тоже как бы дело.

– Да, – согласился он, – как бы.

Я проводил его взглядом, чувствуя, как за спиной зашелестело одеяло. В дверях сэр Вайтхолд резко обернулся:

– Кстати, ваша светлость...

За моей спиной вспикнуло, слышно было, как подпрыгнула сама кровать и что-то там заскреблось.

– ...вы говорили о налогах, – продолжил он с самым невозмутимым видом, – я подобрал несколько кандидатур на места сборщиков. Вы рассмотрите их и отберете...

Со стороны кровати доносилось злое и вместе с тем жалобное шипение, словно мелкий зверек прищемил лапку. Ни я, ни сэр Вайтхолд не смотрели в ту сторону, я кивнул и сказал, глядя ему в глаза:

– С утра жду полный список.

Он поклонился.

– Будет на вашем столе.

Дверь за ним закрылась, Изаэль высунулась из-под одеяла, палец во рту по самую ладошку, мордочка жалобная, вот-вот заревет.

– Что стряслось? – спросил я участливо.

– Ноготь сломала, – прошипела она люто, – ну что вы какие-то, я даже не понимаю!.. Ну как так можно, когда так нельзя, и вообще все неправильно!.. А ты чего вообще?

– Государственный муж, – пояснил я. – Себе не принадлежу. То ты меня пользуешь... или вот приготовилась, то эти вот со своими проблемами мира и благополучия всех народов в отдельно взятом королевстве...

Она умолкла, глядя, как я пошел к двери, открыл и велел невидимым ей гвардейцам больше никого не пускать, их государь изволит спать до утра, но если вдруг пожар, война, землетрясение или наводнение, тогда да, можно...

Гвардейцы молча кивают, но в конце коридора показалась фигура бегущего в мою сторону сэра Вайтхолда, он прокричал издали:

– Ваша светлость!.. Сверхсрочно!

– Нет ничего срочного, – ответил я сердито, – что не подождет до утра!

– Прибыли послы из Варт Генца, – выпалил он. – Там вспыхнула война!.. Срочно просят аудиенции!

Я стиснул челюсти, и хотя все по плану, но не сейчас бы...

– Хорошо, – сказал я, сдаваясь, – введите!.. Тьфу, пригласите.

Не очень вовремя, правда, но все равно пришлось бы откликнуться на отчаянный призыв вартгенцев, что-то у них опять не заладилось, и хотя прекрасно знаю, что и где, но нужно сделать вид, что вот прямо щас впервые услышал и даже сильно удивился.

Едва я отошел от двери к столу, в коридоре прогремели быстрые шаги, сэр Вайтхолд пропустил ко мне двух лордов. В одном я узнал сэра Герарда, сына барона Валдуина, – отважный и храбрый юноша, отличился при захвате пограничной крепости, с той поры боготворит меня и считает лучшим на свете командиром, на большее пока его фантазия не тянет.

Они преклонили колена, я сказал с неудовольствием:

– Встаньте, господа!.. Я не ваш лорд.

Не поднимаясь с коленей, они смотрели на меня отчаянными глазами. По лицам и одежде я видел, что оба проделали долгий путь, загоняя насмерть коней или меняя по дороге, не успевали поесть и промочить горло, пока не домчались до моих покоев.

Старший из них, сурового облика рыцарь, сказал хриплым голосом:

– Ваша светлость, я граф Дарси Блэйк, моя честь, жизнь и мои воинские отряды в вашем распоряжении. Нас послал граф Меганвэйл, он спешит сообщить вам, что результаты выборов короля оспорили графы Леофриг Лесной, Хенгест Еафор и даже Меревальд Заозерный!

А сэр Герард добавил чистым ясным голосом:

– И сразу же повели войска на столицу, но на подходах передрались между собой!

Я сделал рукой повелительный жест встать, они послушно поднялись, было бы неповиновением продолжать оставаться коленопреклоненными. Оба смотрят на меня с надеждой, глаза измученные на исхудавших лицах, во взглядах вера, что вот вмешаюсь и все прекращу.

– Сядьте, – велел я, – у стоящего мозг работает иначе. Что, и теперь все бьются друг с другом?

Оба послушно подсели к столу, я видел, с каким облегчением их тела приняли эту первую поблажку на долгом пути из Варт Генца.

Сэр Дарси подтвердил угрюмо:

– А еще сообща, с графом Хродульфом. Но наш лорд Меганвэйл спешит сообщить, что самое страшное только начинается! Остальные лорды тут же прекратили сдавать в казну налоги, расходуют собранное на свои войска, начинают войны друг с другом, отнимая земли, деревни, угоняя скот и людей... Моментально начали собираться шайки разбойников...

Сэр Герард сказал отчаянным голосом:

– Граф Меганвэйл настоятельно просит вас, буквально умоляет, прибыть немедленно в страну, король которой называл вас сыном!..

Я проговорил в нерешительности:

– Я понимаю ваши некоторые трудности...

Сэр Дарси охнул и задохнулся от избытка чувств, а сэр Герард вскрикнул отчаянным голосом:

– Трудности? Страна уже полыхает пожарами гражданской войны за королевский трон!..

– Ну, – пробормотал я, – все только начинается... гм... но у меня тут тоже некоторые дела, как бы сказать вот так прямо вслух... Даже не знаю... а не будет это моим грубым вмешательством во внутренние дела суверенного государства, маленького, но гордого и всячески отстаивающего?

Сэр Дарси сказал твердо:

– Дураков, каких мало, у нас много, но в такое время становится все меньше. Одно дело покричать, когда все сыты, другое – когда дом горит! Это не столько желание лордов обратиться к вам, как жажда самого народа, что увидел в вас... уж и не знаю что, но явно больше, чем все мудрецы Варт Генца!

– Народ мудер, – сказал я в задумчивости. – Может быть, он зрит даже то, что не видим мы?.. Хорошо, не будем затягивать разговор на всю ночь. Информация к размышлению получена, а во сне, как говорят, приходят решения. Только бы не таблица какая-нить бесполезная... А утром, господа, я дам четкий и взвешенный ответ, если, конечно, мое подсознание во сне взвесит правильно, а то его у меня иногда заносит до та-а-а-аких оргий, ну вы понимаете... Ах да, сейчас вы такое не понимаете... Лорды?

Они поднялись, разом поклонились и отступили к двери. Сэр Вайтхолд учтиво распахнул перед ними обе створки и поклонился, как бы выражая глубокое и даже искреннее соболезнование.

Я выждал, когда затихли их шаги, приоткрыл дверь и шепотом велел гвардейцам больше никого, а то и ночь кончится, это же такая потеря.

Оба заверили, что костыми лягут, я закрыл дверь и начал быстро раздеваться. На кровати возмущенно всписнуло, я видел краем глаза, как существо в одеяле торопливо отвернулось, а когда я лег со своего края кровати, прошипело, как злой барсук из норки:

– Хотя бы свечи задул!

– Так темно же будет, – ответил я резонно. – Только одну и оставил, она еще мельче, чем ты.

– Зачем?

– Чтоб ты лоб не расшарашила в темноте, – объяснил я, – когда пойдешь лунатничать и безобразничать на карнизе.

– Чего это я вдруг встану ночью и полезу на крышу?

Я ответил искренне:

– Да кто вас, эльфов, знает!

Она приподнялась на локте и смотрела в меня огромными блестящими в полутьме глазами. Голубизна потерялась, превратившись в темный фиолетовый цвет невероятной глубины и насыщенности.

– А ты... разве не эльф?.. Если у тебя жена Гелионтэль...

Я опустил взгляд, развел руками в сильнейшем смущении:

– Ты права, я эльф, и жена у меня Гелионтэль... Но я, исполненный мультикультуризма и состыка разных культур и прочих суеверий, вынужден бывать и человеком, как бы вот подступнее о сложном... Ну, ты же эльф, ты меня понимаешь.

Она переспросила тревожно:

– Ты сейчас... совсем не конт Астаральмэль?

Я развел руками:

– Увы, тогда бы я не залез с тобой под одно одеяло. Моя высочайшая и просто предельная нравственность и celibat не позволили бы мне, ага, но если я человек... сама понимаешь,

человеку можно все и даже больше! Широкий человек, широкий, как сказал лорд Федор, и вот, глядя на тебя, мне совсем не хочется этого человека суживать...

Она в ужасе отодвинулась на край кровати.

– Ты что... чудовище?

– Необязательно широкий в ту сторону, – сказал я скромно. – Можно быть широким и в другую сторону... ну там, нежность, вздохи, томление, сю-сю, ням-ням, патя-патя, еще что-то. Но ты не бойся, я, как крупный государственный деятель, на простые человеческие крайности не имею права, я центрист, как и должен быть глава титульной нации людей.

В ее глазищах, сейчас совсем темных, странно и ярко отражается пламя единственной свечи, мне показалось, что здесь оно ярче, чем наяву.

– А как же... Гелионтэль?

Я пробормотал:

– Очень важно жить в ладу со своей совестью и не совершать нехороших поступков. Я думаю, конт Астральмэль делает все верно. Аменгерство – святая вещь! За себя и за того парня...

Она приподнялась снова на локте, одеяло соскользнуло с худенького плеча, глаза тревожно поблескивают в сумраке.

– Так ты сейчас...

– Ричард, – заверил я. – Джеймс... тьфу, просто Ричард. У меня нет на совести недостойных поступков. У меня мораль очень строгая! Просто для разных ситуаций она разная... Ты озябла? Да, у нас здесь прохладно, это не Геннегау...

Я подгрел ее ближе, настолько трусит, что вся трясется, а зубешки стучат, но я уложил ее голову себе на предплечье и лежал спокойно, давая ей возможность хоть чуть пообвыкнуться.

И в самом деле, через некоторое время она сама приподняла голову и с недоверием посмотрела мне в лицо.

– Так вот вы какие... люди?

Я одними кончиками пальцев начал почесывать ей спинку, сперва там все вздрогнуло и напряглось, но я продолжал чесать так же нежно, и она снова медленно успокоилась, даже перебралась головой с предплечья на плечо, чтобы моя загребушая доставала до самой поясницы.

– От тебя хорошо пахнет, – сообщил я. – И вообще ты такая вкусненькая...

Она вздрогнула.

– Ой, я уже боюсь...

– Чего? – спросил я. – Это называется комплиментами, существо.

Глава 3

Она легонько щекотала мне грудь длиннющими ресницами, дыхание ее теплое, в самом деле вся вкусно пахнет лесом, древесной смолой и муравьями, а это так свежо и мило после приторных ароматов придворных дам.

– А тебе можно, – спросила она, – как человеку, вот так под одним одеялом с эльфийкой?

– Простому человеку нельзя, – объяснил я, – но можно мультикутуристу и мультикультурнику, что есть связующее звено между народами, культурами, религиями, конфессиями... не знаешь, что это?.. и даже видами... потому мне можно все.

Она вздрогнула под моей все более разогревающейся ладонью и попыталась отодвинуться.

– Все?

– И даже больше, – сообщил я.

Она в страхе и в то же время пытливо, решившись на что-то отчаянное, посмотрела в мое лицо. Я старался держать его честным-пречестным. Мне даже показалось, что в ее огромных дивных глазенапах мелькнуло некое разочарование, словно «можно» не так интересно, как попробовать нарушить то, что «запретно».

– И даже больше, – повторил я.

Она, как показалось, так и лежит, распластанная, как лягушка, в той же позе, в какой я ее оставил. На лице изумление, но когда я пошевелился и начал подниматься, вздрогнула и распахнула изумительные громадные озера синих глазищ, ясных и чистых, хотя и слегка заспанных.

– Что, – пропищала она испуганно, – уже утро?

– Увы, – ответил я. – Ночь коротка.

Она попробовала пошевелиться, скривилась, даже ойкнула.

– Ну ты и зверь... Что ты со мной делал?.. Больно-то как...

– А что ты со мной делала, – сказал я загадочно и с мечтательным выражением.

Она ахнула:

– Я?... Да я лежала тихая, как мышечка!.. А сейчас, как лягушка, на которую лось копытом...

– Я еще тот лось, – похвалился я. – Если хочешь, жрать подадут в постель.

Она начала подниматься, охая, как старушка, и хватаясь за спину.

– Зачем тебе надо, чтобы меня такой увидели?

– А похвастать? – удивился я. – Сразу всем разнесут, что у меня в постели побывала такая необыкновенная красotka!

Она довольно заулыбалась, уже с достаточной легкостью сползла на пол, критически осмотрела себя в огромном зеркале, словно превращение невинной девушки в женщину тут же отразится заметными изменениями.

– Так вот ты, гад, какой, – сказала она задумчиво, – бедная Гелионтэль...

– Ну знаешь ли, – сказал я чуть обидчиво, – мы же с ней не сами по себе, а для дела! Исполняем долг по древнему и, как я понимаю, священному закону! Да и вообще... Что тебе Гелионтэль? Я ж тебе еще вчера долбил, что с Гелионтэль я – ее муж, конт Астральмэль, а здесь с тобой я – Ричард Длинные Руки!

Она вздрогнула, брезгливо отодвинулась от меня, но не от зеркала.

– Какой ужас! Я что, спала с человеком?

– И еще храпела, – сказал я обвиняюще. – Ладно-ладно, не дерись, похрапывала. Изредка. Мило так это. И задней ногой полягивала малость...

– Это потому, – сказала она, – что ты ее придушил, а я пыталась освободиться от твоей жестокой тирании! Люди – тираны, теперь я в этом убедилась. И душителю свобод. И вообще вы хитрые!.. Как сумел меня заманить и обесчестить – ума не приложу. Наверное, колдовством?

Она все еще придирчиво рассматривала свое отражение, поворачивалась так и эдак, у эльфов зеркал нет, вчера так жутко стеснялась, что даже уши прятала, а теперь вот очень деловито старается рассмотреть, хорошо ли торчат сзади ее такие безукоризненные булочки, что и сейчас бы ухватил зубами.

Я кивнул:

– Да, колдовством. Вполне годится для оправдания перед родителями, если вдруг что заметят.

Ее глаза зажглись любопытством пополам со страхом.

– А что, это может быть заметно?

– Не сейчас, – утешил я.

– А когда?

– Через несколько месяцев, – сообщил я.

Она не сразу врубилась, потом подпрыгнула:

– Что? Ты хочешь сказать...

Я поспешно отступил:

– Ну-ну, не царапайся, не кусайся и не бодайся. Ничего не хочу сказать. Так, намекиваю исподтишка, для вящей безопасности. Мы ж люди, а они все гады коварные, теперь знаешь.

Она ахнула:

– Ты хочешь сказать, что могу выносить ребенка и даже родить, не пройдя Великий Обряд в Круге Великой Тайны Бытия, где навечно соединяются узами брака двое, и не получив на это благословения Древней Богини?

Я пробормотал несколько настороженно:

– Ну, вообще-то да... Антураж и танцы – здорово, сам люблю, но для таких дел можно и в подворотне... в смысле, просто в кустах. Странное дело, конечно, но установлен удивительный факт, что количество выпитого и сожранного на свадьбе ну никак не влияет ни на пол ребенка, ни вообще на зачатие...

Она ахнула:

– Врешь!

– Клянусь! Были такие исследования...

– Но тогда зачем?

Личико ее было полно недоумения.

– Не знаю, – сказал я.

Она гордо выпрямилась:

– Ты все врешь! Люди лгут. То, что ты говоришь, просто невозможно. Без благословения Древней Богини зачатие невозможно. Да и вообще... раз в сто лет!.. И никак иначе.

Я сказал с облегчением:

– Правда?.. Фу-у-у... гора с плеч. А то я как-то еще не готов еще раз стать отцом. Надо сперва на ноги встать, империю построить, молодильные яблоки вырастить, Конька-Горбунка для ребенка поймать заранее... тьфу, а вдруг девочка?.. В общем, ты молодец, сразу все разрулила и успокоила. Давай сейчас поедим, а потом решим всякие мелочи. Мне надо или не надо ехать в Эльфийский Лес?

Она посмотрела на меня с прищуром:

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – ответил я честно.

– А как поступают люди?

Я вздохнул. Как поступают люди, тоже мне вопросец. Если начну отвечать всерьез, то перечислять буду еще года два. Люди на то и люди, что разные.

– Я же там не людь, – пояснил я, – а конт Астральмэль. Что бы сделал конт?

– Немедленно помчался бы к жене, – сказала она злорадно, – и поздравил бы с такой удачей!

Я пробормотал озадаченно:

– Это удача?

– Ну да, – ответила она. – Девочки живут в несколько раз дольше, ты разве не заметил, что у нас на каждого мужчину не меньше сорока женщин?.. К тому же мужчины умирают чаще от неведомых болезней, а женщины даже не болеют. Но все равно род считается по мужчине, потому что только он может его продлить...

Дверь приоткрылась без скрипа, вошел сэр Вайтхолд. Изаэль вспикнула и в мгновение ока очутилась под одеялом, только две белые булочки эльфийской попки мелькнули и остались висеть в воздухе, как улыбка чеширского кота.

Сэр Вайтхолд даже не повел в ту сторону взглядом, невозмутим и строг, как дворецкий с двадцатилетним стажем, настоящий аристократ.

– Ваша светлость, звали?

– Вот что, сэр Вайтхолд, – сказал я веско, – при всех наших бедах, нам все же досталось исправно функционирующее королевство...

Он переспросил:

– Фун... ци?.. Ниру... щее?

– Работающее, – объяснил я. – Ну ладно, исправное!.. Мы ничего в нем не поломали, кроме домов, стен, огородов и чьих-то жизней, что полная ерунда, этого не жалко. Наша задача как минимум – удержать все в том же виде, чтобы пятая колонна, это такие местные гады, не разрушила систему, чтобы пожить на обломках.

– Ваша светлость?

– Сэр Вайтхолд, – заявил я официально, – ко всем вашим нагрузкам я возлагаю на вас еще и налоговую полицию. Ну, если вы не ухитритесь найти кого-то, кто смог бы заменить вас и все выполнять так же блестяще.

Он переспросил несколько ошалело:

– Какую-какую?

Я сказал строго:

– Не кривите это самое вельможное и с длинной родословной. Налоги – самое важное для выживания! Если нам не будут их платить и выплачивать, нам придется превратиться в разбойников, которые все добывают силой. Но должны собирать мои люди, а не местные лорды, как тут снова пытаются замутить...

Он охнул, рука дернулась к мечу.

– Местные? Да как они...

– Погодите, – сказал я, – они якобы будут собирать для меня. Но мне такой любезности не надо, это вроде бы ясно?

– Почему?

– Потому что сегодня собирают, – объяснил я, – а завтра перестанут. Вернее, начнут собирать в свой карман. А если буду собирать я, то я в чужой не положу точно.

Он посмотрел на меня с уважением:

– Да уж, в это я верю.

– Потому немедленно, – велел я, – прямо сегодня в срочном порядке отберите орлов помоложе, они честнее, которые проедут и в самые дальние земли Турнедо и проверят, чтобы налоги шли прямо ко мне в Савуази. Если какой-то сеньор заартачится, начнет ссылаться на древние вольности, то старайтесь проблему ликвидировать сразу, не давая, чтобы из искры

возгорелось пламя, обойдемся без декабристов. Я был душителем таких свобод и останусь им. У меня не повольничаешь, не посепаратничаешь!

По его лицу я видел, что такое ему не очень нравится, но понимает важность, поклонился и сказал ровно:

– Займусь сейчас же.

Как только дверь за ним закрылась, Изаэль высунула голову из-под одеяла и прошипела:

– Они что, заходят вот так... без зова?

– Только сэр Вайтхолд, – объяснил я. – Он мой личный секретарь, а также канцлер и премьер-министр. Если он будет каждый раз стучать и ждать, когда я скажу, что можно... В общем, у людей так, дорогая.

Она вылезла из-под одеяла с сердитым видом, глаза смотрят с укором.

– А я думала, – заявила она, – ты здесь главный.

– Понял, – сказал я, – сейчас есть принесут...

Я хлопнул в ладоши, она вспикнула и снова быстрее мыши юркнула под одеяло. Вошел слуга, я молча указал на пустой стол.

Он осведомился:

– На двоих?

– На полторы, – уточнил я. – Хотя... гм... то, что спряталось под одеялом, может жрать и за троих. Знаешь, ворона маленькая, а рот здоровый.

Он поклонился и вышел, а из-под одеяла высунулась нога и больно лягнула меня в бедро.

Пользуясь тем, что одеяло закрывает обзор, я снова насотворял деликатесов, сладких печений, шоколада всех видов, а закончил мороженым, фантазия у меня ни к черту.

Двое слуг весьма удивились, что стол уже наполовину заставлен, я буркнул, что пока телились, их коллеги уже постарались. Они переложили на столешницу половину блюд, остальные унесли, а я придвинул стол к постели.

– Налегай, – предложил я. – Кто знает, когда будем есть в следующий раз.

– Почему?

– Жизнь непредсказуема.

– Глупость, – заявила она непрекаемо. – Все давно предопределено. А это вот что такое вроде раковины?

– Шоколадка, – ответил я. – Лопай-лопай.

Она разохотилась и в самом деле очистила половину стола почти быстрее меня, потом пришли слуги, она снова юркнула под одеяло. Они механически убрали со стола посуду, а стол отнесли на прежнее место.

Я поинтересовался:

– Ты там вьешь гнездо? Или роешь норку?

Она вылезла, гордо выпрямилась и сказала сердито:

– Так у тебя тут ходят...

– Хочешь, – предложил я, – дверь пока запру?

Она сказала обрадованно:

– Как ты раньше не догадался!

Я поднялся, но только сделал шаг к двери, как она распахнулась во всю ширь, сэр Вайтхолд появился чему-то очень довольный и провозгласил громко:

– Ваша светлость, к вам сэр Клемент Фицджеральд!

Я не видел кровати, но чувствовал, как она затряслась под прыгнувшим на нее существом, а затем под одеялом трусливо затаился лесной зверек, даже дыхание задержал.

– Зови, – ответил я.

Он все-таки бросил сочувствующий взгляд в сторону кровати, хоть и не на саму кровать.

– Да, конечно, ваша светлость.

Он вышел, а я прошипел строго:

– Пикнешь, убью.

Она пропищала:

– Мне и тут страшно...

– Под одеялом? – изумился я. – Но...

Дверь распахнулась, вошел сэр Вайтхолд, а с ним быстро и уверенно, несмотря на свою громадность, сэр Клемент Фицджеральд, поджарый, бодрый, с суровым лицом воина, что всегда готов, и еще как готов. Он сразу заметил горбик под одеялом, метнул на него настороженный взгляд, а широкая ладонь, как сама по себе, легла на рукоять длинного меча.

Глава 4

Мне его богатырская фигура напомнила другого гиганта, который так много попортил мне крови, я спросил сэра Вайтхолда:

– Кстати, что с Сулливаном?

Он ответил с поклоном:

– В пути, если еще не прибыл в земли, куда вы его послали. Кстати, он вам обязан еще и титулом герцога, вы не знали?

– Нет, – ответил я заинтересованно. – Как это?

– У герцога Джонатана Меерлинга, – пояснил он, – казненного за измену, были родственники и поближе Сулливана. Тому бы ничего не светило, но отвага Сулливана, что осмелился бросить вам вызов и отстоять независимость своего феода в поединке лично с вами, настолько всех впечатлила, что комиссия по геральдике сочла его наиболее достойным на титул герцога.

– Здорово, – сказал я, стараясь не обращать внимания, что сэр Клемент как бы нечаянно развернулся так, чтобы встретить вовремя, если из-под одеяла выскочит нечто и ринется на его сюзерена с кинжалом в руке.

– Так что, – закончил сэр Вайтхолд победно, – он обязан вам не только титулом барона, но и герцога! Думаю, ему уже объяснили...

Я посмотрел на него пристально. Он усмехнулся и опустил скромно взгляд.

– Надеюсь, – пробормотал я, – это осознание поможет ему... не то чтобы там все наладить, в тех землях все осталось неразоренным, а удержаться в лояльности ко мне.

Он произнес осторожно:

– С Сулливаном все будет сложно. Гонору больше, чем было у герцога, а власть признает только ту, которую сочтет справедливой.

Я отмахнулся:

– Ладно, мы не зря спихнули его подальше. Будучи зажатым между Турнедо и Варт Генцем, не больно поартачишься. Что насчет сбора налогов? Чует мое сердце...

Он поклонился.

– У вас замечательное и чувствительное сердце, ваша светлость, если, конечно, оно у вас в таком странном месте. Вот, прошу просмотреть...

Он выложил на стол два листка бумаги.

– Что там? – любопытствовал я.

– Кандидаты в сборщики налогов, – сказал он победно. – А вот благородный сэр Клемент Фицджеральд, которого вы недавно отметили за выдающиеся заслуги... он жаждет послужить вам и в мирное время.

– Сравнительно мирное, – пробормотал я, – та-а-ак, список у вас о-го-го... Но здесь почти все благородные рыцари!

Сэр Вайтхолд кивнул:

– Все верно, ваша светлость. Благородные не воруют. К тому же я убедил сэра Клемента, насколько это важно для выживания всего королевства.

Я пробормотал:

– Даже больше, чем королевства.

– Ваша светлость?

Я покачал головой:

– Все в порядке, сэр Вайтхолд. Вы проделали огромную работу. Сэр Клемент, мне просто неловко возлагать на вас эту работу. Некоторые не слишком умные рыцари могут счесть ее недостаточно аристократичной... однако она не просто важна... без нее все рухнет.

Он поклонился и прогрохотал красивым мужественным голосом:

– Ваша светлость, я весь ваш душой и телом. Вы дали смысл моей жизни. Располагайте мною, как никем не располагали.

Я подошел к стене, снял плащ Изаэль, вернулся к постели, сэр Вайтхолд предпочел демонстративно и очень упорно смотреть на стол со списками, а сэр Клемент бесцеремонно наблюдал, как я приподнял край одеяла, там мелькнуло нечто ослепительно светлое, сунул туда плащ и снова опустил одеяло.

Сэр Вайтхолд оставался с непроницаемым лицом, а я объяснил ему:

– Это чтоб сэр Клемент не думал, что я тут ха-ха!.. развлекаюсь!.. Мы тут работаем, постоянно работаем над международными и межвидовыми проблемами...

По властному взмаху моей длани они повернулись к столу, я указал на листки и поинтересовался:

– Как быстро эти люди могут приступить к исполнению обязанностей?

Сэр Клемент грянул могучим голосом:

– Немедленно, ваша светлость...

Голос его перешел на писк, потому что Изаэль, кутаясь в плащ, выбралась из-под одеяла. С босыми лапками и распущенными золотыми волосами, она показалась особенно трепетно беспомощной и беззащитной, а когда подняла длинные густые ресницы и взглянула на всех нас, сэр Клемент охнул, схватился за сердце и рухнул перед нею на колени.

– Это... это же...

Я сказал устало:

– Именно. Представитель иного мира. Мы в сложных дипломатических переговорах о взаимодействии по поводу искоренения коррупции, культурного диалога и неприменения силы в спорных вопросах финансового коридора...

Сэр Клемент вскричал воспламененно:

– Леди!.. Позвольте стать вашим рыцарем!

Сэр Вайтхолд посмотрел на него в великом изумлении, сэр Клемент известен в нашем кругу даже несколько угрюмым нравом, чересчур строг, суров и немногословен и совсем не куртуазный галантерейщик.

Изаэль, пугливо кутаясь в плащ, продолжала стоять жалобными босыми лапками на холодном полу и смотреть на него громадными испуганными глазами, что, несмотря на хмурое утро, изумительно радостно-синие, чистые и невинные.

Я сказал с неловкостью:

– Разумеется, леди Изаэль великодушно примет ваше галантное предложение, сэр Клемент... как только поймет, что это. Мы только начали диалог культур, как водится – с главного, и так постепенно продвинемся в сложных вопросах взаимопонимания... до некоторого понимания... хотя разность культур и восприятия, как вы понимаете, весьма усложняет весь процесс.

Сэр Вайтхолд сказал с упреком:

– Не щадите вы себя, ваша светлость!.. Все об отечестве и об отечестве радуете денно и ночью!.. Мы вот вечером пьем, ночью спим, а вы и ночью дипломатические связи устанавливаете!.. Хорошо, я вашу директиву понял, мы с сэром Клементом сейчас соберем рыцарей и каждому дадим четкое понятное задание, чтобы даже они поняли.

Он почти силой поднял обалделого сэра Клемента и, толкая в спину, выпроводил за дверь и сам вышел с ним.

Изаэль проводила их громадными испуганными глазами.

– Чего это он? – спросила она шепотом.

– Влюбился, – пояснил я. – Безумно и страстно, как могут только рыцари, которым не надо думать о добывании хлеба. Теперь будет только ради тебя совершать подвиги и бить в морду тех, кто возразит насчет того, что ты самая красивая на свете!

Она вздрогнула, огромные глаза стали совсем огромными.

– Бить?

– Ну да, – подтвердил я. – А как иначе? Лорд Чехов сказал, что если зайца бить, он научится свечки зажигать. Битье определяет сознание! Теперь весь мир должен говорить, что ты – сама красивая. Кто не скажет – того в морду. Вот так, моя милая, добро пожаловать в понятное и логически законченное мироустройство людей!

– Да вы совсем чудовища, – воскликнула она с возмущением. – Хотя вообще-то как-то даже и почему-то вроде бы...

– ...приятно? – спросил я с пониманием.

– Точно, – сказала она. – Льстит, хотя это совсем нехорошо!

– Оденься, – предложил я. – А то зайдем куда-нить, плащ надо будет снять... Хотя, может быть, и в самом деле не нужны эти дурацкие платья?

Она сказала с негодованием:

– Для кого дурацкие, а для кого и красивые!..

– Сядь вон там, – попросил я. – У меня сейчас будет важный разговор с лордами, нужно сосредоточиться, иначе окажусь в глубокой... скажем, луже.

Она в удивлении огляделась:

– А где тут лужи?.. Или ты хотел сказать, как мне показалось, что-то другое?

– Не пищи, – сказал я автоматически, уже думая о том, что земель под моей властью прибавилось, что как бы хорошо, если на взгляд дурака, но умный понимает, что чем крупнее корабль, тем быстрее разломится под собственным весом. Но плохо то, что умный на всем свете только я, а остальные будут обижаться, что не хапаю еще и еще, это же считается им тоже, слава вождя – их слава.

В старину, как я помню, управление огромными территориями решалось просто: королевский двор никогда не пребывал в каком-то определенном месте. Разъезжал всюду Карл Великий еще до того, как стал императором, разъезжал Вильгельм Завоеватель, как и десяток наследовавших ему королей, разъезжали все короли Франции... У всех у них были свои замки и крепости, разбросанные по всему королевству.

К примеру, только в Уэльсе у Эдуарда I было четыре прекрасно укрепленных замка: Карнарвон, Харлек, Бомарис, а Конви – так вообще суперкрепость с протяженностью стен в милю, двадцатью мощными башнями и тремя воротами!

Все короли перемещались со своим двором, тогда это был единственный способ реализации власти в королевстве, где еще не существует бюрократического аппарата на местах.

Однако и в этом случае все империи разваливались, не помогали эти перемещения, только на некоторое время удерживали в общих границах, но крепчайший сепаратизм побеждал...

У меня дела еще хуже: все местные властные структуры, то есть владетельные сеньоры: герцоги, графы, бароны и прочие – идут за мной только потому, что веду от победы к победе, обогащаю их, и хотя все они, конечно, борцы за идею, но титулы и новые земли надежно защищают их от насмешек тех, кто остался дома.

Но что будет, если потерплю поражения... Не мелкие, что можно пережить, а настоящие? Если от меня отшатнутся лорды хоть Армландии, хоть Сен-Мари, у меня нет ни малейших рычагов, чтобы привести их к повиновению... Все деньги у них, войска у них, земли у них...

Чтобы переломить ситуацию, я только что сделал очень серьезный шаг: налоги начнут собирать мои люди, а не лорды на местах. Да, конечно, о недоверии не может идти и речи, тем более что я большую часть земель раздал своим верным сподвижникам, просто благородные люди не должны заниматься таким унижительным делом, как собирание налогов.

Да, начнут рыцари сэра Клемента, но, во-первых, первый круг должны пройти строго доверенные лица, чтобы не поломать все, во-вторых, все они простые и безбаннерные, даже безлошадные рыцари, что для меня крайне важно, для таких опора – я.

Изаэль быстро-быстро влезла в платье, все проделывала возле кровати, чтобы в случае чего сразу нырнуть под одеяло. Наконец одернула на себе, расправила складочки и покрутилась перед зеркалом, стараясь рассмотреть затылок и недоумевая, почему не получается, что за дурацкое зеркало.

– Поворачиваешься медленно, – буркнул я. Она хотела что-то взнявкнуть, я предостерегающе вскинул ладонь: – Молчи, удавлю. Сэр Ричард думает.

Во всех этих королевствах, как и во всем мире, феодалы на зов короля, призывающего на войну, обязаны являться со своим войском, которое укомплектовывают и содержат за свой счет. Спасибо за труд, но эту грязную работу возьму на себя. Ну, не совсем на себя, но у меня есть смышленные простолюдины, которым нравится работать, а не упражняться, как нам, благородным, с оружием. Вот они, простолюдины, и будут собирать рекрутов и комплектовать армию. Собирать отовсюду, а комплектовать так, чтобы не только от одного сеньора, но даже из одного села не оказывалось в одном и том же отряде!

Третье: благородные люди не обязаны заниматься такой мелкой ерундой, как выслушивание жалоб простолюдинов друг на друга. Велю всюду учредить народные суды присяжных, и пусть эти земляные черви сами разбираются в своих дрязгах...

Если это правильно подать, то меня поддержат и те, по которым эти реформы потом ударят. Просто сразу незаметно, а мне нужно совсем немного времени, чтобы создать если не полностью наемную армию, так называемую королевскую, то хотя бы крепкий ударный кулак...

За моей спиной пропищало:

– А как это... дама сердца?

– Чистая любовь, – объяснил я автоматически, очень уж люблю просвещать народ, можно свой умище показывать. – Настоящая, возвышенная. Ради которой человек творит подвиги и даже чудеса. Он может быть женат и с кучей детей, но верно и преданно любить, к примеру, чью-то жену или дочь, неважно.

Она спросила наивно:

– А что ее муж?

Я удивился:

– Что муж? Муж должен быть польщен, что его жену любят чисто, нежно и возвышенно... платонически, так сказать. Кстати, я тебе говорил, чтобы не похрюкивала?

Она испуганно съежилась, умолкла и надолго задумалась. Я попытался вернуться к прежнему ходу мыслей, но это пустяки сразу же лезут в голову, а умное пойдй поймай снова за скользкий хвост, подумал раздраженно, что вот перебила свинья Отче Наш, пусть же теперь сама Богу молится, прошел к двери и, приоткрыв, крикнул:

– Сэр Вайтхолд, как там народ? Собирается?

Он появился из своей комнатки, в руках бумаги, ответил живо:

– Половина зала уже заполнена. Можно начинать, остальные подтянутся позже.

– Подождем чуть, – буркнул я. – Надо уважение выказывать подданным. Это окупается.

Несмотря на разгорающийся день, за стенами замка сумрачно, небо закрыто тучами, зато по эту сторону светло и почти солнечно. Я еще в Сен-Мари «изобрел» и велел снабдить весь дворец переносными светильниками-фонарями, что резко повысило освещенность всех помещений и коридоров.

Разумеется, первыми экземплярами велел снабдить собор, чтобы таким образом как бы освятить и узаконить. Вызвал мастеров, объяснил принцип работы выдвигающегося фитиля, смачиваемого маслом, велел начинать массовое производство, пока конкуренты не поняли нехитрый принцип и не подсустились раньше.

Эту же технологию принес и в Савуази, теперь здесь факелов не осталось вовсе, дикость какая, любой слуга может взять переносной светильник и спуститься с ним хоть в самый глубокий подвал, масла хватает на несколько суток, а потом всего лишь подлить, и всех делов.

Прозрачные стенки фонарей защищают от любого ветра, так что работы слугам поубавилось, на меня стали смотреть не только со страхом, но и с уважением.

Я слышал, как внизу нарастает гул голосов, во дворе все чаще слышится конское ржание, грубые голоса. Вообще-то надо запретить вот так, верхом, в сие важное место, ибо дворец – это не здание, а весь комплекс с огромным садом, начиная от дальних ворот, и с десятком еще разных зданий.

Ничего страшного, если прогуляются от ворот...

Сэр Вайтхолд заглянул, на этот раз уже заметил одетую и причесанную Изаэль, приятно изумился, поклонился и притопнул ногой, затем улыбка упорхнула с его лица, мне он сказал почти грубо:

– Ваша светлость, лорды в главном зале.

– Иду, – ответил я. – Нельзя заставлять народ ждать.

Он поморщился, я упорно зову лордов народом, пошел за мной следом и плотно притворил за собой дверь. Мне показалось, что очень хотел бы и запереть, несмотря на двух рослых гвардейцев на страже по обе стороны и двух вышколенных слуг.

Глава 5

Церемониймейстер прокричал звучно-радостно и с подъемом:

– Его светлость, лорд Ричард!

Я быстро шел по коридору к распахнутым дверям зала, где слышится шорох одежд встающих мне навстречу лордов. У самого входа замерли, как статуи, огромного роста стражи, я перешагнул линию и ощутил на миг, что ошеломлен обилием красок, золота и драгоценных камней, дорогой одежды.

В Сен-Мари одеваются не менее ярко, но там все цветисто и празднично, а здесь при постоянно серых днях и в суровых серых стенах дворца это великолепие бьет в глаза и заставляет радостнее стучать сердце.

Быстрыми шагами я прошел к трону Гиллеберда, прикоснулся к покрытому золотом подлокотнику, но не сел, а повернулся с отеческой улыбкой к собравшимся.

– Я не буду садиться, – сказал я, – из почтения к собравшимся, что олицетворяют все лучшее, что есть в Турнедо: ум, честь и совесть нашего королевства, а также мощь, богатство, великолепие, понимание проблем и нужд нашего славного отечества!.. Прошу всех сесть, вы люди заслуженные, а я еще молод, меня учили в детстве стоять перед старшими и уважаемыми людьми.

Переглядываясь, они начали опускаться, на лицах глубокое удовлетворение, на меня смотрят покровительственно, зато сэр Вайтхолд, Клемент Фицджеральд, Каспар Волсингейн, барон Саммерсет, виконт Рульф, доблестный сэр Геллермин и остальные великие герои Армландии – как один человек поморщились, в глазах недоумение, с чего бы это я прогибаюсь перед побежденными, это мы захватили их королевство, а не они нашу Армландию, как собирались...

– Король Гиллеберд, – продолжал я громко, – поступал очень мудро, и чем больше я узнаю о делах и свершениях этого великого человека, крупнейшего политика и необыкновенного государственного деятеля, тем больше склоняюсь перед его гением!

Лорды довольно закивали, начали перешептываться, поглядывая на меня с одобрением. Всегда приятно, когда чужак признает их превосходство, тем более победивший чужак.

– Он создал лучшую в мире армию, – сказал я с восторгом в голосе. – Подумать только, во всех остальных королевствах, какие я знаю и которые потому и уступают величию Турнедо, что там... ха-ха!.. сеньоры обязаны являться на зов короля со своим войском, которое укомплектовывают и содержат за свой счет! Свинство какое, не правда ли?.. Потому их армии и терпели всегда поражение, сталкиваясь с равными по численности войсками Турнедо!

В зале загалдели довольные голоса, что да, все на их плечи, а короли там только пьют да жрут, отрачивая животы, не то что великий Гиллеберд, который даже в свои преклонные вроде бы годы брюхатил женщин и мог запрыгнуть на скачущего коня.

– Конечно же, – добавил я, – глупо и недостойно рушить то, что создал великий Гиллеберд, что возвеличило Турнедо и возвело королевство на вершину славы!.. Я, как и мудрый Гиллеберд, эту грязную работу возьму на себя. Ну, не совсем на себя, у меня есть смышленные простолюдины, которым нравится работать, а не упражняться, как нам, благородным, с оружием. Вот они, простолюдины, и будут собирать рекрутов и комплектовать армию!

В зале снова одобрительно кивали, я даже слышал отдельные голоса, что да, все правильно, они ж тоже в своих владениях тяжелую работу по управлению землями и крестьянством поручают самым смышленным из простолюдинов, те из шкуры вон лезут, только бы угодить им, хозяевам...

Я втихую перевел дыхание, пока все идет как по маслу, в таких делах главное – честный искренний голос, придыхание в нужных местах и блеск в глазах на моем полном благородства и чистоты намерений лице.

– Благородные люди должны думать о том, – сказал я, – что они являются хребтом королевства, на котором оно держится!.. Мы должны быть образцами чести, благородства и хороших манер... перечислять долго, вы сами знаете, чем отличаемся от черни. Благородного человека должно быть издали видно!.. А теперь давайте займемся текущими делами и тактическими вопросами...

Я, наконец, сел в тронное кресло, опустил руки на подлокотники, поза державного мужа, и приготовился выслушивать жалобы, предложения, просьбы, советы, а также принимать прошения и разрешать возникающие споры.

После долгого приема, что длился пять часов без перерыва, я чувствовал себя выжатым, как мокрая тряпка в руках умелой полумойки, зато даже самые скованные в начале лорды переговариваются в зале и поглядывают на меня с явным одобрением, кивают друг другу, враждебности пока не вижу вовсе.

Как водится, в честь прибывших закатили пир. Я посидел, выслушал громогласные тосты, затем пожелал всем хорошего аппетита и как можно более вальяжной походкой, мол, в Багдаде все спокойно, вышел через царскую дверь во внутренние покои, а оттуда уже во двор.

Мои лорды, еще раньше получив сигнал, что я скоро покину пир, уже там стоят группами, окружив посланцев из Варт Генца. Некоторые прогуливаются парами, степенно обсуждают, что же там такое их лорд говорил и в чем его хитрость.

Барон Саммерсет, самый знатный из прибывших из Армландии лордов, но вовсе не дурак, взял меня за локоть и провел в задумчивости несколько шагов.

– Думаете, – проговорил он с сомнением, – проглотят сладкого червячка? Не дураки же в самом деле, отказываться от собственных армий!

– Ну дураков не так уж и много, – пояснил я свой мудрый ход. – Конечно, вы правы, на них все и держится, но... во-первых, большинство все же работать не любят, а содержать собственные войска, пусть даже дружины – накладно. Во-вторых, Гиллеберд уже и так у большинства отнял это право полунезависимости от короля. В-третьих, эти самые умные и проницательные видят, что я не уступлю Гиллеберду в крутости, а так как за мной все еще право победившей стороны, то вполне могу пройти по королевству казнями и конфискациями...

Он подумал, кивнул:

– В этом случае да, пожалуй.

– Речь была убедительной?

– Вы умеете подбирать доводы, – сказал он одобрительно. – Хотя вот этот жест... ну, когда они сидели, а вы перед ними стояли... это ни в какие ворота!

Я небрежно отмахнулся:

– Сэр Саммерсет! Разве для того постоять не стоило?.. Я должен делать все, чтобы здесь у каждого снова не появилась своя армия. Если учитывать, что Турнедо все-таки не наша Армландия, а завоеванные нами земли, то таким захватчикам, кем являемся мы, вскоре пришлось бы весьма несладко, в том смысле, что снова завоевывали бы отдельно каждый клочок земли, каждое хозяйство!

Он вздохнул:

– Да-да, вы правы. Пока две армии Гиллеберда сейчас несут охрану в Тарасконе...

– Уже отправлены в Гандерсгейм, – сообщил я.

– Тем более, так далеко! Здесь, конечно, не должны появляться ни у кого собственные вооруженные отряды. Вы правы.

Я раскланялся, поулыбался.

– Барон, вы настоящий стратег! Все видите насквозь!.. Жаль, с удовольствием общался бы с вами весь день, припадая к вашей глубинной, можно сказать без преувеличения, мудрости, но сэр Вайтхолд заготовил для меня кучу бумаг на просмотр и подписание...

– Идите, – сказал он отечески, – обязанности есть обязанности.

Я с самым деловым видом отправился во дворец, бумаги сэра Вайтхолда пока подождут, кивком подозвал сэра Дарси и сэра Герарда, они неотрывно следили за мной взглядами и подбежали тут же.

– Я всю ночь думал, – сообщил я, – и проникновенно размышлял о высоком и просветленном, входил в Астрал и получал оттуда... да, получал. Потом меня догоняли, чтоб я получил еще. И вот в тягостном размышлении о падении нравов и покупательного спроса я пришел к выводу, что если человек тонет и кричит о помощи, то, видимо, его надо бы вообще-то спасать, хотя это для нас и нехарактерно, но закономерно.

Они слушали меня напряженно и внимательно, хотя нить моих мудрых размышлений потеряли почти одновременно со мной. Однако в лицах все то же нетерпеливое ожидание ответа на философский вопрос: как обстроить Варт Генц?

– Отправляйтесь немедленно взад, – посоветовал я. – Мы изволим выехать через час, но я обгону вас и прибуду в Варт Генц раньше.

Сэр Дарси вскрикнул счастливо:

– Ваша светлость! Спасибо!

Я сказал устало:

– Вы еще не знаете, с какими предложениями прибуду.

– Мы уверены, – заверил он клятвенно, – народ Варт Генца будет счастлив.

– Надеюсь, – пробормотал я, ибо для народа мои предполагаемые реформы будут в самом деле, да, а вот феодалам ох как не понравятся. – Но без вашей помощи, дорогие друзья, и вашего пламенного энтузиазма что я могу сделать?

– Мы в вашем распоряжении! – воскликнул сэр Дарси и повернулся к юному Герарду: – Вели седлать коней! Чем раньше выедем, тем быстрее узнаем, как и что задумал сэр Ричард...

– Я сам еще не знаю, – признался я скромно, – но с вашей помощью мы вытащим Варт Генц из полыни!

Сэр Дарси козырнул и поспешил вслед за Герардом. Я проводил взглядом уже не их, с ними все ясно, а барона Саммерсета, что вальяжной походкой вернулся в зал. Он и не предполагает, что мое продолжение политики Гиллеберда – только первые ягодки. Мне своя королевская армия нужна не только для того, чтобы не поднимали головы турнедские лорды.

Придет время, и армландские лорды тоже потеряют свои воинские формирования, а также право собирать самим налоги, судить и карать собственным судом в своих землях. Но об этом не должна знать даже моя подушка, а если узнает – сожгу.

Виконт Рульф и виконт Каспар проверяют охрану, люблю полевых командиров, хоть война и закончилась, но все равно начеку, готовы отразить любое нападение.

Оба счастливо заулыбались, я вяло махнул рукой. Рульф сказал виноватым голосом:

– Ваша светлость, это дело Ортенберга, знаю, но проверить не мешает. Все-таки он из местных, и хотя я его уважаю...

Я покачал головой:

– Не извиняйтесь, сэр Рульф. Человек за все отвечает. Вот я, например, за что только не отвечаю, потому что это право и обязанность мужчин. У меня даже перед эльфами есть, вы не поверите, обязанности! Через часок, а то и раньше, планирую отправиться к ним в лес...

– Бог в помощь, – пожелал сэр Каспар с глубоким сочувствием.

– Да уж держитесь, сэр Ричард, – поддержал его Рульф сурово и мужественно.

Каспар подумал и добавил гроыхающим голосом:

– Если нужна помощь, сэра Ричард...

Я сказал с благодарностью:

– Друзья мои, я растроган! Но это надо выполнять самому, никто не должен отвечать за меня или закрывать меня грудью... Есть вещи, которые мужчина должен сам, такова наша суровая жизнь.

– Да, – согласился сэра Каспар.

– Иногда не только за себя, – сказал я, – но и за того парня. Так что если надо, то... надо.

Я похлопал их по плечам и отправился в свои покои. Изаэль отпрыгнула от окна и в божественном испуге обернулась на стук открывшейся двери вся с распахнутым ртом и вытаращенными глазами на пол-лица, где вторую половину закрывают длинные и густые ресницы.

– Как ты меня напугал!

– Еще не то будет, – пообещал я.

– Ой, я уже боюсь...

– Ну, что там увидела?

– Все, – ответила она, – но ничего не поняла. Зачем они это все?.. И почему все вот так, они что?.. Нич-ч-чего не понимаю, они все дурные, да?

– Еще какие, – заверил я. – Слушай сюда. Я еду по срочному и безотлагательному делу в Варт Генц. По дороге могу заскочить в Эльфийский Лес, раз уж мчимся прямо мимо и сбоку, если смотреть сверху. Сумеешь хорошо попросить и подластиться, хвостиком помахать, лапками постучать – могу и тебя захватить вместо второго седельного мешка. Это Боливар двоих не мог, а Зайчик и троих, ему что. Не заметит в благородной рассеянности высокорожденного арбогастра это вот мелкое и ушастое.

Она подпрыгнула, завизжала:

– Да, да, хочу!.. Подлащиваюсь. Скажи как, я все сделаю!

– Умница, – сказал я покровительственно, – все правильно делаешь.

– Правда? Так я ж ничего не делаю!

– Выражаешь готовность, – пояснил я. – На этом зиждется... зиждутся отношения сюзерена и вассала. Сюзерену обычно ничего не нужно от вассала, но он ценит готовность...

Она надула губки и посмотрела с укором, а когда вот так глядят прекрасные эльфийские глаза, то это да, сразу чувствуешь, что отнял у ребенка конфету.

– Но я хочу, – заявила она, – чтобы ты что-то хотел от меня!

– Молодец, – одобрил я. – Все верно крикаешь. Да и вообще... все мы хотим быть кому-то нужными, верно?

Она подумала, кивнула:

– Ну да. Я хотела бы стать ему нужной...

Я насторожился.

– Кому?

Она ответила с глубоким вздохом:

– А тому страшному чудовищу... что меня в дамы сердца...

Я уточнил несколько уязвленно:

– Сэру Клементу?.. Ну, ему это будет тоже весьма, да... Конечно, он нас удивил, кто бы на него такое мог подумать... ты его сразила наповал... Аленький цветок, гм... Ладно, надевай плащ, не будем народ распугивать или припугивать, уж не знаю, что больше получится, но я человек осторожный, рисковать не люблю и не буду.

Она быстро сдернула плащ, закуталась, как в одеяло, капюшон опустился краем до подбородка, и снова стала серым таким неприметным столбиком, который не заметить, пока не споткнешься и не спшибешь.

– Не отставай, – велел я строго.

Из плаща пропищало испуганное:

– Ни за что!..

Мы прошли коридорами, затем через небольшой боковой зал. В углу на скамьях расположились придворные дамы, а на небольшом помосте на простом стуле сидит очень изящно одетый бард с лютней и, щипая струны, красиво и томно поет о вечной и страстной любви, тоске и верности, желаниях и страсти...

Мое существо в плаще и под капюшоном начало было прислушиваться, я с досадой замедлил шаг, мог бы и сделать вид, что не заметил, но это мое королевство, мой огород, я остановился у самой двери, развернулся и пальцем поманил к себе барда.

Он, как и дамы, все это время не сводил с меня глаз, и едва я вытянул руку и сделал пальчиком, тут же вскочил, извинился перед дамами и подбежал бегом, часто и суетливо кланяясь.

– Поёшь хорошо, – сказал я сурово.

Он поклонился и воскликнул счастливым голосом:

– Я безмерно польщен, ваша светлость!

– Но нужны некоторые коррективы в репертуаре, – сказал я. – Искусство должно быть плановым. Я хочу, чтоб к копыю приравняли перо, с чугуном чтоб и выделкой стали... В общем, стихи и песни – великая сила. Нехорошо, когда красный слон пищит мышинным голосом, он должен реветь, а ты разве реवेशь? Ты пищишь, говоря иносказательно и доступно, а это разбазаривание таланта и Господом данных возможностей, как глупо и бесцельно делал Онан, дурак такой, хотя понять его можно, но не нужно...

Он пролепетал ошалело:

– Ваша светлость, но... я же поэт! Оно не получается по приказу. Ведь прежде чем начать петься, долго ходит, разомлев от брожения, и тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения...

Я отмахнулся:

– Знаю, слышал. Но это сказал суперпрофессионал, а у тебя слова какого-то там любителя!

– Но, господин, искусство не терпит насилия!

– Терпит, терпит, – заверил я. – Все профессионалы сочиняют через «не хочу». По велению души пишут одни аматоры и такую дикую хрень несут, ибо души у них понятны какие, а вобла так и вовсе с червяка... А ты профи или так себе, погулять вышел?

Он поклонился.

– Мои песни распевают даже в дальних уголках королевства.

– Прекрасно, – одобрил я, – значит, все понимаешь...

Я говорил многозначительно, он потупился и шаркнул ножкой.

– Ну... опыт у меня кое-какой есть...

– Не буду спрашивать насчет опыта, – сказал я строго, – вы, люди искусства – зело развратный народ, всех бы вас на костер, только вот сами сочинять не умеем. Так что да, мы изволим руководить этой идеологической отраслью по зрелому размышлению.

– Да, господин?

– О бабах песни отставить, – велел я. – И так уже обо мне поговаривают, что слишком уж им много уделяю времени и пространства, это я-то, практически целебатник!.. Но раз говорят, надо реагировать, даже будь ты, в смысле я, монарх потомственный. Так что завязывая с бабами, давай больше про войну и подвиги. Нам нужно готовить молодую смену к защите отечества, которого еще нет, но которое будет, как сказал прозорливо один из великих бардов. И мы его должны защищать заранее и заблаговременно еще на чужих территориях. Особенно если там есть полезные ископаемые.

В его глазах появилось и разрастается угнетенное выражение, все-таки о бабах петь проще, да и отклик гарантирован, все мы о бабах, да, и умные тоже дураки в этих вопросах, ниже пояса мы все одинаково умные, а петь о воинских подвигах – это же для узкой целевой

аудитории, массового охвата сейчас можно ждать только в Варт Генце с его интересной ситуацией.

– Ваша светлость, – пробормотал он, – моя популярность упадет...

– Вот так и упадет?

– Рухнет, – заверил он. – Вы не знаете коллег! Улыбаются, а тайком слухи распускают.

А простые слушатели решат, что я стал сочинять хуже.

– Не хуже, – объяснил я, – а нужное. Нужное всегда делать труднее, чем ненужное. Ты вот поешь, как сладко ходить тайком к жене соседа и творить с нею всякие безобразия... ха, а то мы не знаем!.. а вот попробуй воспой, как хорошо учиться читать и писать!

Он сразу помрачнел и осунулся.

– Ваша светлость!

– Что, не нравится? – спросил я.

– Дык человек же свинья, – сказал он с сердцем, – даже про любовь им надо не про вздохи и трепет сердца, а чтоб сразу за сиськи!.. И чтоб их было много. А вы хотите за любовь к отечеству!..

– И к учебе, – сказал я строго. – Понимаешь, надо. Я бы, вон, тоже мог по бабам, у меня теперь возможности, но весь с головой в построении светлого будущего для всего человечества, хочет оно того или отбрыкивается от такого счастья!.. А что рейтинг снизится и будут меньше платить – разницу восполним да еще и сверху накинem. Служенье муз не терпит суеты, мы все на службе у Будущего!

Он сказал с надеждой:

– Ну, если восполнят все потери... и косвенные...

– Восполним, – пообещал я. – Только учти, поддержка со стороны государства и дотации не должны снижать уровень творчества! А то о бабах со всей душой... ну, или не душой, но с чувством, а об отечестве лишь бы отмазаться и бежать за пряником, чтобы пропить побыстрее... Пьешь сильно?

Он посмотрел честными глазами.

– А как же, ваша светлость? Если не пить, то вроде и человек не творческий. Не хочется, а надо. Как, вон, мечи у придворных. Не знают, как за рукоять браться, а носят! Пить и распутничать – это то же самое.

Я махнул рукой:

– Да знаю, знаю. Ладно, мелочи утрясем. Пой дальше, а ты, существо, за мной! И не топай так.

Зайчик просто не поверил своим глазам, когда я протянул руку и вздернул к себе трепещущую от ужаса эльфийскую разведчицу. Я хотел посадить ее сзади, потом подумал, что сдует ветром, такую легонькую, как бы ни цеплялась тонкими лапками, и посадил впереди, где вся уместилась в пространстве между моими руками.

Бобик подпрыгивал и хватал ее, играя, за ноги, она визжала и подтягивала их повыше, так что вскоре чуть ли не сидела у меня на голове.

– Слезай, – велел я.

Она мотала головой, я стащил ее на холку и держал крепко, Зайчик пошел быстрым галопом, Бобик принял вызов и помчался вперед, часто оглядываясь, черная такая туша с длинным ярко-красным, как огонь, языком.

Изаэль мелко дрожала, как пойманная в ладони птичка, потом начала косить испуганно-удивленным глазом по сторонам, а когда мы вынеслись за ворота города и Зайчик начал наращивать скорость, пугливо чирикнула:

– Оно что... и летать может?

– Оно нет, – ответил я. – Это Бобик умеет.

Она зябко вздрогнула и попыталась зарыться в меня, как в норку, но грудь моя плотная, как древесина дуба, руки толстые и крепкие, и она, надрожавшись, начала медленно успокаиваться, по сторонам смотрела хоть и со страхом, но и с растущим любопытством.

– А чего ты такой горячий? – спросила она.

– Я человек, – пояснил я, – не то что ты, лягушка.

Она обиделась:

– Я не лягушка!

– Но ты же лягалась?

– Все равно я тепленькая. Ты же сам говорил!

– Мало ли что я говорил, – ответил я нагло. – Иногда можно говорить все, что угодно, греха в этом нет, потому что не сам говоришь, а кто-то из славных и великих кистеперых рыб, наших дедов-прадедов, варежку разевает... Тебе вот сюда не дует?

Она в ответ двинула локтем в ребра. Я сказал с огорчением:

– Вот так и проявляй заботу, а оно еще и укусит...

– Я тебе не оно!

Зайчик пронесется в стороне от дорог, мимо мелькают леса, зеленые холмы, потрескавшиеся от времени скалы, один лишь раз промелькнуло вспаханное поле, но всего однажды, мир все еще не заселен...

Изаэль совсем расхрабрилась, вертится так, что едва не выпадает из гнезда. Я постоянно придерживаю, чтобы не унесло порывом ветра, а она, похоже, усматривает какие-то поползновения на ее свободу и женско-эльфячью независимость, бурчит и отпихивается.

Когда Эльфийский Лес появился на горизонте и начал стремительно приближаться, я велел Зайчику сбросить скорость, а ей сказал деликатно:

– Не хочешь перебраться ко мне за спину?

Она изумилась:

– Это зачем?

– Сейчас въедем в Лес, – пояснил я. – Я же славный и благородный рыцарь... не лягайся, меня таким считают вполне искренне, не пойду же против мнения народа!.. и потому не хочу, чтобы твоя безупречная и незапятнанная, незатоптанная репутация пострадала. Здесь ты как бы в моих объятиях...

Она фыркнула:

– Ничего подобного!

– Конечно, – согласился я. – Но эльфы такие благородные с виду и такие странноватые на самом деле...

– Это люди странноватые!

– Вот-вот, о нас чего только не говорят, и как бы не подумали всякое такое и разное. А когда ты сзади, то вроде бы вне подозрений насчет чего-то там и тут.

Она подумала, я видел, как пытается чисто по-человечьи морщить лобик, но у эльфов это невозможно, наконец сказала с великим подозрением:

– А почему это сзади? Это чтоб обидеть?

– Так ты обидистая? – спросил я.

– Нет, – заверила она, – я вообще-то золото и сокровище. А ты – гад и обижитель.

– Так пересядешь? – спросил я.

– Зачем?

– Будешь выглядеть значительнее, – объяснил я. – И хозяйкой положения.

– Правда? – обрадовалась она. – Ой, я люблю быть хозяйкой!

Зайчик остановился, я пересадил ее себе за спину, и тут же Лес ринулся нам навстречу бодрыми прыжками и с веселым гавком.

Глава 6

Эльфы плохо видят вдаль, в степях никогда не жили, потому монгольский тип лица не для них, зато в лесу нас заметили моментально, может быть, вообще чуяли по запаху, носы у эльфов почти так же хороши, как и уши.

Шуму особого мы не слышали, издали же видно, что в седле огромного коня, о котором они знают больше меня, сидит их конт Астральмэль, явно едет к недавно родившей жене, а с ним их разведчица Изаэль.

Только когда уже синее небо сменилось над головами зеленым пологом леса, из-за деревьев крикнули:

– Конт Астральмэль, поздравляем!

– Спасибо, – крикнул я, – приглашаю на выпивку!

В ответ только шелестнули ветви, я спросил тихонько:

– Изаэль, а эльфы что, не пьют?

Она изумилась:

– Как это не пьют? И родниковую воду и озерную, очень любят и собирают росу после жаркой ночи...

– Понятно, – ответил я. – То-то вы такие долгожители, просто жуть берет. А уж умные, что просто даже и не знаю, чем такое мерить, то ли дюймами, то ли кувалдой.

Деревья не просто исполинские, это на опушке такие, а дальше вообще немыслимые колонны, на которые всем весом опирается лазорево-яркий хрустальный небосвод, а между ними совсем несерьезные дубы, березки, магнолии, фруктовые деревья, цветущие кустарники.

Горячее солнце иногда прорывается над полянками, и мы чувствуем его жар на плечах и затылках, в низинах изумрудный туман, таинственный и зовущий, от него пахнет свежеподнятой на поверхность земель из норок...

Вдали за деревьями иногда вижу группы ярко, празднично одетых эльфов, там как будто кипит торговля, но когда начинал всматриваться и даже пробовал чуточку свернуть в ту сторону, там моментально все исчезает, и мы продолжали путь через пустынный лес с весьма вытоптанной землей.

Зайчик помнит дорогу, гигантская поляна-площадь с золотым дворцом королевы Синтифаэль, рожденной из Солнца и Света, осталась далеко в стороне, а мы двигались по утоптанной и чистой тропе, что вывела на поляну с тремя большими хижинами-пещерами.

Из-за спины донесся вкрадчивый голосок:

– Узнаешь свой дом?

– Я вообще-то местами космополит, – ответил я дипломатически, – но как эльф я – исконный и посконный патриот, чтобы не сказать крепче и более граждански ёмко. А это значит, дым эльфийского отечества мне сладок и приятен, вот так, свиненок, съела?

– Нет, – пискнуло сзади озадаченное, – я не знаю, как такое есть...

– Никто не знает, – возразил я, – но едят же! И даже хвалят. Да что ты понимаешь, существо! Когда я сам такое не понимаю...

– Так почему...

– А потому что!

Крайняя левая хижина, где живет Гелионтэль, с прошлого раза выросла почти вдвое, округлая крыша стала пурпурной, листья горят победным огнем, а среди них проглядывают, тяжело свисая на тонких черенках, крупные сочные плоды размером от яблока до крупного арбуза. Как я понимаю, поспевая и наливаясь соком, под действием гравитации опускаются все ниже, проламываясь сквозь потолок из листьев, и повиснут уже там в комнате над столом...

Изаэль шепнула тихонько:

– Дом радуется и готов кормить теперь двоих. А у вас разве не так?

– Как тебе сказать, – ответил я, – не совсем да, не совсем. А у вас дом пинка из квартиры дать может?

– Н-нет...

– Дикари-с, – сказал я с чувством. – Нет разносторонности, богатства, разнообразия оттенков и реакций, чувства гармоничности и политической ситуации. У нас все это есть, хотя с такими перекосами, что лучше бы не было. Я вижу, у вас дом на всякие там настроения как-то реагирует?

Она в изумлении поскребла мне спину коготками.

– Ну да, ты раньше не знал?.. Мы с Лесом когда-то вообще были одним целым. И сейчас еще можем в случае большой опасности спрятаться в дерево...

– В дуб?

– Почему в дуб?

Я сдвинул плечами.

– Да так, почему-то показалось. Что-то у эльфов есть эдакое фамильное от хорошей дубовой роши...

– Нет-нет, – сказала она. – В любое дерево. Вовнутрь. Правда, неприятное очень ощущение, да и потом, когда выдираешься наружу...

Я спросил с сочувствием:

– Пробовала?

– Один раз, – ответила она и зябко повела плечами. – Больше не хочу. Потом неделю себя чувствовала деревом.

– Каким?

Она сердито фыркнула:

– Просто деревом! Надеюсь, в этот раз прятаться не придется, ты хоть и зверюка, но вроде бы я тебя приручила...

– Еще как, – заверил я. – Даже одомашнила, можно сказать.

Она довольно хихикнула, я спрыгнул на землю, протянул к ней руки, но она показала язык и соскочила на другую сторону. Наблюдающие за нами издали эльфы довольно засмеялись.

Изаэль, даже не оглянувшись на меня, побежала к ним, а я вздохнул и повернулся к зеленому входу. Изнутри доносятся голоса, веселые и щебечущие, потом вроде бы заплакал ребенок, но тут же умолк.

Я пошел тяжелыми шагами, чувствуя себя статуей командора, откинул зеленый полог. Комната выглядит намного просторнее, чем в прошлый раз, свод тоже поднялся.

На меня в божественно прекрасном испуге оглянулись молоденькие эльфийки, сразу трое, все с изумительно серыми глазами, как у Гелионтэль, бледнощекие и с маленькими алыми ртами.

Как мне показалось, все секундой раньше повизгивали и пытались пощупать, потрогать или хотя бы прикоснуться к запеленутому в широкие зеленые листья младенцу.

Я увидел разинутый рот, когда оно зевало во всю пасть, а когда закрыло ее наконец, на меня уставились маленькие глазки с немим вопросом: а ты кто?

– Здравствуйте, – сказал я вежливо, – я конт Астральмэль. Можно мне войти?

Эльфийки испуганно шарахнулись в стороны и прижались к стенам хижины, но мелко захихикали, а одна, явно самая смелая, сказала тонким серебряным голоском, словно со мной заговорил молоденький зайчик:

– Вы уже вошли, конт Астральмэль. Не хотите взглянуть на своего ребенка?

– Для того и мчался, – ответил я твердо.

Они все продолжали тоненько и пугливо хихикать, не знаю, что во мне или в ситуации смешного, это же так естественно – постараться вот так за друга.

Я сделал еще шаг к Гелионтэль, она лежит на спине, прикрытая одеялом из душистых листьев, я ее сразу и не заметил, а этот ворочающийся сверток расположился у нее на животе.

– Астральмэль, – проговорила она со смущенно-радостной улыбкой. – Ты все-таки пришел...

– Как я мог не прийти? – спросил я. – Немедленно, сразу все бросил и примчался. Как птичка, что несется над гладью волн в родное гнездышко. Это я – птичка!

Она слабо повела по сторонам тонкой бледной рукой.

– Не пугайся, что нас так много, мне помогают мои сестры... У них наконец-то появилась племянница.

– Здравствуйте, леди, – сказал я учтиво. – Я безумно счастлив, что у меня такая прекрасная родня! Как ты себя чувствуешь? – я присел рядом с Гелионтэль.

– Уже лучше, – сообщила она. – Смотри, какая крупная!.. И ест так, что скоро от меня одна пустая шкурка...

– Здоровая девочка, – согласился я. – А какие у нее ушки?

– Мои, – сообщила она с гордостью и тут же добавила: – А вот глазки, как буравчики, так и смотрят, так и смотрят...

– Хорошие глазки, – возразил я. – Но главное, ты поскорее поднимайся, не залеживайся. Я знаю, для эльфов родить – подвиг, но тебе предстоит еще не один такой подвиг!

Она мягко улыбалась и смотрела на меня с великой благодарностью. У эльфов, как уже знаю от Изаэль, рождается больше мальчиков, втрое больше, но почти половина умирают в детстве, а из остальных многие погибают в лесу, кто на охоте, а кто и от укуса простого комара или уколовшись о колючку. Эльфы, как я понял, пошли еще дальше в специализации полов, чем люди. У нас тоже мальчиков рождается больше, но умирают не так быстро, только к пятнадцати годам количество мальчиков и девочек сравнивается, а к семнадцати на «девять девочек – десять ребят», а дальше разрыв тоже увеличивается не так стремительно, как у эльфов.

У них различие в полах вообще жесть: природа наделила женщин мощной иммунной системой, эльфийка выживет даже после укуса ста змей, а эльф умрет сразу от первого же. Потому, хотя главенство в роду и гордое имя передается по мужской линии, матери все-таки больше радуются рождению девочки.

Дети растут очень медленно, сто лет проходит, пока ребенок доползет до подростка, а потом, как мне кажется, так и остаются вечными тинейджерами: проходят тысячелетия, в памяти почти ничего не остается, они все такие же беспечные, веселые и легкие, без надлежащей серьезности.

Сестры, тихо чирикая и прижимаясь к стенам, по одной выскользнули, как рыбки.

Зеленый полог за ними опустился, я сел посвободнее, я же дома, указал кивком на младенца:

– Не разбалуешь?..

– Ну что ты...

– А чего с рук не спускаешь?

– Так она же маленькая...

Я спросил строго:

– Где колыбелька?

Гелионтэль сказала виновато:

– Она не хочет туда...

– Еще бы, – сказал я саркастически, – конечно! И будет настаивать на своем. Но ты должна перенастоять.

– Почему?

– Иначе, – пояснил я, чувствуя себя великим педагогом, – вырастет капризной дурой, а это урон моей почти незапятнанной репутации. Попробуй докажи, что гены ни при чем? У вас же во всем люди виноваты, как у нас... гм, ладно, давай я сам ее переложу.

Она сказала испуганно:

– Нет-нет, ты обязательно уронишь! Она такая вертлявая... Я сама. Сейчас-сейчас...

Я строго, как Бенджамин Спок, наблюдал за процессом переключивания, потом по методу Макаренко удерживал Гелионтэль на ложе, когда крохотный террорист буянил и выдвигал непомерные требования. Наконец оно убедилось, что правительство на уступки не идет, затихло и начало исследовать место, куда его поместили.

– Вот видишь, – сказал я хвастливо. – Я прям как не знаю кто, все знаю и умею, прям удивляюсь такому чуду без перьев, красивому и умному, ну прям Изаэль... тьфу, навязло в зубах. Есть хочешь?

– Нет, – прошептала она, – мне так хорошо...

– А мне еще лучше, – сказал я нежно и прижал ее к груди. – Ну, за Астральмэля?

Бобик несколько раз врывался в жилище, весь захэканый и с высунутым языком набок, быстро проверял, не исчез ли я, и снова стремительно исчезал навстречу требовательным вопликам детворы.

– Видишь, – сказал я неодобрительно, – как влияние улицы перебивает благотворную, хоть и более нудную, как им всем кажется, заботу родителей. А уж о воспитании и говорить неча!

Она пробормотала счастливо:

– Но у нас все так...

– Среда формирует сознание?

– Да...

Я сказал озадаченно:

– Вот уж не думал, что и у эльфов дворовое воспитание... Хорошо, хоть подворотен у вас нет. Хотя свято место пусто не бывает, у нас вся страна из оттуда, а если послушать правительство, так и ваше... Это что, уже рассвет? Что за дурная страна!

– Да, мой дорогой конт.

Я пробормотал:

– Да, я еще тот конт. Всем контам конт, такое законтачил...

Она всмотрелась в мое лицо.

– Ты чем-то озабочен?

Я пробормотал:

– Да у нас, людёв, вечные заморочки. Это у вас незамутненное счастье... Из Варт Генца, это такое очень дальнее королевство, слишком уж отчаянные призывы... от Меганвэйла, сэра Клифона и даже Фридриха Геббеля, которых я весьма уважаю тоже... курьеры, курьеры, десять тысяч курьеров!

– И тебе надо мчаться на этот призыв?

Я пробормотал:

– У нас, героев, вся жизнь такая. Так что встаю, надеваю штаны и... в путь труба зовет!

Она смотрела большими серыми глазами, как я проделываю все это, свойственное герою, а когда еще и сумел сапоги натянуть самостоятельно, сказала тепло:

– Пусть весь мир будет к тебе добр, как стал теперь Лес...

– Ага, – откликнулся я саркастически, – он станет! Только и смотрит, как бы лягнуть или укусить.

– Лес?

– Весь мир, а лес тоже хорош. Коряги под ногами, деревья зачем-то растут...

Я крепко поцеловал ее и вышел в сверкающий на солнце яркий мир, где нет темных или мрачных красок, а все искристое, легкое, радостное, ликующее, будто посыпано пудрой с крыльев молодых бабочек.

Перед Зайчиком колышется, словно лоза на ветру, тонкая фигурка Изаэль, та хитрюга что-то сует моему арбогастру в пасть, а этот предатель жрет из рук эльфийки с таким аппетитом, словно это я сам даю подковы и гвозди.

Бобик извертелся возле них, то вклинивается между и распахивает, то смотрит в ее лицо с таким видом, словно тоже ждет чего-то вкусного. Более того, по морде вижу, что уже пожрал, но упорно намекает на добавку.

Я окликнул сердито:

– А ну брысь, шмакодявка!.. Чего мне зверей травишь?

Она обернулась, на меня в высокомерном удивлении взглянули ее огромные прекрасные глаза с длинными ресницами, что сразу бросили густую тень на бледные щеки, но лишь оттенили удивительную синеву гляделок.

– Напротив, – возразил она, – они у тебя умирали с голоду! Я их немножко подкормила.

– Это они тебе такое сказали? – спросил я с сарказмом. – Этот вон жрун уже пузо не может оторвать от земли, а всегда добавки просит! А благородный конь, глядя на него, тоже превращается в... гм... простолюдина.

Зайчик посмотрел на меня с немым укором в ясных коричневых глазах, фыркнул и отвернулся.

Изаэль отряхнула ладони и растянула спелый рот в чудной очаровательнейшей улыбке.

– Что, – прочирикало оно, – поедem дальше?

Я посмотрел на создание Леса, как дитя на скелет.

– Я-то поеду, а ты иди к маме, пусть она тебе носик вытрет.

– Да мне и ты можешь вытереть, – разрешила она великодушно. – Вытирал же?

– Ты все равно царапалась, – напомнил я.

– Теперь не буду, – пообещала она. – Я такая послушная, я такая лапочка, такая тихая и забитая мышка... А еще я разведчица, помнишь?.. Мне желательно бывать всюду. Если выпала удача побывать среди ужасных людей и не быть убитой, то... надо пользоваться.

– Что-то больно расхрабрилась, – проговорил я настороженно. – Или ваша королева начала с ума сходить. То полная изоляция, то посылает ребенка с таким чудовищем...

Она опустила ресницы и почти прошептала смиренно, как тихий зайчик:

– Вообще-то Ее Величество Синтифаэль, рожденная из Солнца и Света... не знает о моем странном желании... Еще не знает.

Я охнул:

– А она знала, что ты пробралась ко мне во дворец в Савуази?

Она еще ниже опустила голову:

– Пока нет.

– Так зачем же...

Она сказала тихо:

– Хотела тебя обрадовать. И посмотреть, как ты... ну, что ты...

Я сказал с жаром:

– Ну ты совсем сумасшедшая!

– Знаю, – прошептала она. – Я одна такая, никто так не делает. Но ты же сказал, что эльфов больше убивать не будут, вот я и рискнула, хотя, конечно, пряталась и куталась в плащ с капюшоном. Зато какое приключение! И все получилось!

Я пробормотал:

– Даже больше, даже больше...

– Ну так берешь меня?

Она задрала голову и смотрела мне в лицо очень серьезно, но я видел, что это та прежняя хитрая и отважная лисичка, что ходила в моем кабинете на ушах и хвасталась, какая она храбрая, отважная, лихая, смелая, хитрая, замечательная и вообще золотце.

– Королева точно не знает?

Она опустила голову и пнула ногой землю, как жеребенок копытцем.

– Нет...

– Сумасшедшая, – повторил я с сердцем. – Ну, раз не знает... возьму. Я тоже сумасшедший.

Глава 7

Она завизжала и кинулась мне на шею, повисла, как мартышка на дереве, целовала меня в глаза, лоб, щеки, а когда я вертел головой, пытаюсь увернуться, чмокала в уши и тут же вроде бы плевала туда, заявляя, что там растут фи какие отвратительные волосы, я вообще-то даже не человек, а ЖЫвотное...

Наконец я с трудом содрал ее с себя, как цепкий репей, и, удерживая в руках, заявил:

– Вот что, храбрая и отважная. В походе я – король и все на свете! Малейшее неподчинение – удавлю.

Она закивала с таким энтузиазмом, что уши превратились в розовый полукруг наподобие веера.

– Как скажешь, мой король!

– Так и скажу, – заявил я сварливо. – Чувствую, дурость делаю, но... ладно, так и быть, покатаю. Добрый я что-то с утра.

На самом деле, конечно, никакого покатаю, политик должен думать о выгоде для себя и отечества. Эльфийка в качестве оруженосца или скорее пажа может перевесить пользу огромного отряда из самых знатных лордов королевства, хотя, разумеется, ей такое не скажу, а то вообще сядет на голову.

Вскочив на Зайчика, ей подал руку и вздернул на круп. Она завозилась, явно желая перебраться вперед, я процедил сквозь зубы «потом» и поспешно направил арбогастра в сторону выхода из Леса.

Едва деревья остались далеко позади, я сунул руку за спину и перетащил ее, как котенка, на полном скаку, барахтающуюся и визжащую, усадил впереди, и ее визг как ножом отрезало.

Она сразу же завозилась и начала устраиваться поудобнее, вытягивать голову, как птенчик из гнезда, чтобы смотреть поверх моих рук.

– Ой, как здорово, – прочирикала она, – какой мир, оказывается, огромный!.. Счастливый ты...

– Правда? – изумился я. – То-то ношусь, как наскипидаренный заяц, проблемы решаю...

– Проблемы? Какие проблемы?

– Какие сам и создаю, – вздохнул я. – Вот это жизнь, да?

Она чирикнула с неуверенностью:

– Ну, наверное... если ты так говоришь...

Я восхитился:

– Золотые слова! Ты настоящая женщина. Вот так и надо вкаты. Даже если думаешь, что я дурак и все делаю не так.

Она сказала хвастливо:

– Так я же умненькая, я хитренькая, я замечательная!..

– Не вертись, моя хитренькая, – сказал я строго, – а то голова открутится, останется где-то на дороге, и мы потеряем такие замечательные синие глазки!

– И волосы, – напомнила она. – Как тебе моя прическа?

– Очаровательная, – ответил я. – Но ты вся еще лучше.

В лесу всегда безветренно, а здесь утренняя свежесть пробирается под одежду, Изаэль кутается и жметя ко мне, как птенчик к маме. К счастью, день солнечный, голову и плечи уже пригревает.

Промелькнули выступающие из зеленых кустов древние развалины циклопических построек, дальше пошли цветущие сады, вдали из синеватого тумана иногда проступают вершины гор, словно бы висящие в воздухе, затем исчезают.

Справа потянулась бесконечная зеленая равнина, а слева – то высокие остроконечные скалы, то трещины в земле, откуда иногда с шумом и шипением выплескивается фонтанами горячая вода.

В какой-то момент бешеной скачки Изаэль вздрогнула, сделала попытку отодвинуться, проговорила глухо:

– Как там... Гелионтэль?

– Не знаю, – ответил я.

Она пробормотала:

– Не знаешь?

– Да, – отрезал я.

– Почему?

– Там был конт Астральмэль, – объяснил я с непонятным раздражением, – выполнял какой-то свой долг, не помню. А ты едешь с Ричардом, человеком!

Несмотря на мой строгий голос, она расслабилась, начала устраиваться поудобнее, зачирикала нечто счастливое.

На севере Турнедо мои территории сменились землями, что отошли по договору к Варт Генцу, я увидел вооруженные отряды и знамена Варт Генца, но слева пошла высокая крепостная стена, загораживает единственный вход в долину, с которой начинаются владения Зигмунда Лихтенштейна, а также его семейства.

Тогда, при защите только что захваченного Савуази, я видел его отряд, целиком составленный из братьев и сыновей, дядей и прочей родни, и еще в тот раз ужаснулся, что это слоны в стальной броне, а не люди...

Стена высокая и явно очень толстая, сужу еще и по некоторому наклону, в основании намного шире. Это чтобы можно не сбрасывать, а на большой скорости скатывать тяжелые бревна, вон, закреплены целыми связками у самой вершины...

Там же и корзины с камнями, эти тоже покатаются, подпрыгивая и сбивая с ног, калеча, опрокидывая...

Вблизи осаждающих войск нет, лагерь расположен достаточно далеко, да еще и огорожен глубоким рвом и защищен высоким частоколом из толстых деревьев с заостренными кверху концами.

Выходит, первые попытки сломить сопротивление Зигмунда оказались настолько плачевными, что вартгенцы больше даже не пытаются взять штурмом.

Теперь либо ждут указаний из столицы, либо подхода тяжелых стенобитных орудий... но, на мой взгляд, у тех тоже нет шансов.

Изаэль что-то возбужденно чирикает в кольцо моих рук, я велел не пищать, некогда, послал Зайчика вдоль стены.

В одинокого всадника никто не стреляет, да и сложно попасть в скачущего на такой скорости, так мы пронеслись до самых крепостных ворот, сколоченных из цельных дубов.

Я резко натянул повод и помахал рукой.

– Гость к барону Зигмунду!

Стражи сверху всмотрелись, кто-то звучно ойкнул, но не стали спрашивать, кто я и зачем, смысленные здесь люди.

Сбоку в башенке отворилась дверь, я придавил голову Изаэль пониже, сам пригнулся, и мы протиснулись между двумя тесными каменными стенами.

Если бы нас хотели убить, то лучше места не придумать, это классическая ловушка, но через минуту далеко впереди каменного лабиринта распахнулась еще одна дверь, и мы оказались по ту сторону стены. Стенобитные тараны и катапульты приедут зря, мелькнула мысль, такие толстенные стены ничем не продолбить и за сто лет.

Изаэль затихла, как мышь возле выхода из норки. К нам подошли было вооруженные люди, все рослые и с решительными лицами, но тут же разбежались в стороны, присели и закрылись щитами.

– Бобик, – сказал я строго, – ко мне! Далеко не отходить.

Воины медленно поднимались, с ужасом глядя на это черное чудовище ростом с пони, только потяжелее и помощнее, с огромной красной пастью, где зловеще блещут острые клыки.

Я оставался в седле, Бобик послушно замер, вперед выступил рослый мужчина с суровым лицом полевого командира, что вместе с отрядом спит у костра и питается только дичью.

– Ваша светлость, – произнес он с крайней почтительностью, – я Уильям Джефферсон, капитан конной гвардии. С вашего позволения провожу вас к барону Зигмунду.

Я кивнул:

– Ведите, капитан!

Мы тронулись следом, он помахивал рукой и покрикивал, чтобы посторонились перед его светлостью Ричардом Завоевателем. Притихшая Изаэль пихнула меня локтем и прошипела что-то насчет этого имени, не одобряя или ехидничая, но я не расслышал, жадно рассматривал все, что по эту сторону стены.

Людей с оружием масса, в самом деле готовы даже к прорыву противника в крепость, молодцы, боевой дух очень высок, ничего не страшатся, кроме Бобика.

Впереди показался большой шатер, мы видели, как в него с разбегу влетел воин в легких латах. Через минуту Зигмунд вышел в полных доспехах из блестящей стали, только голова непокрыта, огромный и нахмуренный.

Я молча ждал, он увидел меня, приблизился и поспешно преклонил колено, глядя мне в лицо твердо и честно.

– Ваша светлость!

Я сказал торопливо:

– Встаньте, сэр Зигмунд. Вы не мой подданный.

Бобик порывался подойти к нему и обнюхать, чего он тут расстоялся, я цыкнул, а Зигмунд ответил, не поднимаясь:

– Но я хочу быть вашим подданным, ваша светлость!

Воины вокруг заговорили, судя по тону – одобрительно, кто-то даже выкрикнул мне хвалу.

Я сказал с неловкостью:

– Встаньте, барон.

Он поднялся, взглянул на Бобика, по сторонам, снова на меня.

– Не изволит ли ваша светлость посетить мой шатер?

– Изволю, – ответил я.

Он с некоторым удивлением смотрел, как я соскочил на землю и снял закутанного в плащ не то ребенка, не то миниатюрную девушку.

– Это мой паж, – объяснил я и снял с головы Изаэль капюшон.

Ахнул не только Зигмунд, но и все собравшиеся поглазеть на того самого Ричарда Завоевателя. Золотые волосы Изаэль упали красиво и свободно ей до пояса, громадные глаза выглядят изумленно-испуганными, но все сперва уставились на ее удивительно изящные розовые ушки с удлиненными и заостренными кончиками.

– Да-да, – ответил я на немой вопрос ошолобленного Зигмунда. – Оно и есть это самое, что вы подумали.

– Боже правый, – прошептал он.

Я поинтересовался:

– Так это ваш шатер?

Опомнившись, он поспешил вперед и торопливо распахнул передо мной полог, отпихнув слугу.

Первым туда влетел бдительный Бобик, моментально проверил все внутри и, высунув голову, доложил, что все чисто.

Я пропустил вперед Изаэль, это вот хоть и паж, но все-таки самочка, пихнул ее в спину, чтобы шибче шевелила своей красиво вылепленной вздернутой кормой, и вошел следом.

– Стой здесь, – велел я, – сопи в две дырочки и ничего не трогай.

Зигмунд вдвинулся в шатер следом, на эльфийку косился настолько ошалело, что наткнулся на меня, виновато охнул.

– Простите, ваша светлость!

– Ничего, – ответил я, – это бывает.

Он проговорил, запинаясь:

– У вас эльф... паж?

Я кивнул и ответил самым небрежным голосом:

– Да, конечно. Все в пажи стараются что-то непривычное, кто карликов или других уродцев, кто шутов, а я вот эльфа. Эльфийку, точнее, а то знаю я вас... После того как завоевал могущественную империю эльфов с их небесными городами, величественными замками, подземными королевствами и прочими чудесами, почему бы не?

Он проговорил, едва двигая нижней челюстью, что норовила отвалиться:

– Да, конечно... Империя эльфов?.. Ваша светлость, присядьте вот здесь...

– А вы, барон?

– Я постою...

Бобик тяжело вздохнул и грохнулся посреди шатра, а я высунулся наружу и крикнул:

– Еще два стула, быстро!

Когда все четверо разместились, мы с бароном у стола, Изаэль скромно в сторонке, а Бобик в самом центре, как все они обожают, я спросил негромко:

– Как я понял, вы так и не уступаете требованиям Варт Генца о вхождении в их королевство?

Он сразу помрачнел, нахмурился, отрезал жестко:

– Ни в коей мере!..

– Почему?

– Они предательски напали на наши земли, а теперь хотят отхватить часть королевства?

Я сказал мягко:

– Но королевства Турнедо уже нет. Его земли разделены между коалицией из четырех государей: Барбароссы, Найтингейла, Фальстронга и мной...

Он ответил хмуро:

– У меня нет претензий только к вам, сэр Ричард! На вашу Армландию напали, вы защищались. Это ваше святое право. К тому же ваш вклад в победу мы все видим... Один захват Савуази чего стоит! А еще все только и говорят, что вы оставляете наследие короля Гиллеберда в неприкосновенности, ничего не меняете...

Я пробормотал:

– Ну да, я же человек чести.

– Потому, – сказал он пылко, – мы готовы признать победителем только вас, а наши земли отдать под вашу твердую честную руку.

– Под мою твердую честную, – повторил я туповато, – ах да, под мою... Увы, барон, однако договор о разделе подписан государями и скреплен их печатями. Я не могу идти против воли королей Фоссано, Шателлена и Варт Генца.

Он сказал так же жестко:

– Тогда мы будем сражаться до победного конца. Как вы видите, это не городская стена и не просто крепость. Она запирает вход в наши земли, где дальше расположены города, села, пашни, сады... У нас есть все для жизни!

Я пробормотал:

– Кроме оружия.

– Оружие у нас есть, – отрезал он.

– Не свое, – напомнил я. – В ваших землях нет ни одного места, где можно бы добывать железо.

Он сказал упрямо:

– Но оружие у нас есть!

Я вздохнул и сказал вкрадчиво:

– А если вдруг Варвик Эрлихсгаузен, князь Стоунбернский, властелин Реверенда и Амберконта... будет недостаточно осторожен?

Он вздрогнул, посмотрел на меня, моментально побледнев.

– Варвик... какой Варвик?

– Который снабжает вас оружием и доспехами, – ответил я. – Из Варт Генца. По ночам, тайком, со стороны Варт Генца, откуда никто не ожидает...

Он прошептал побелевшими губами:

– Откуда... откуда вы такое знаете?

Я ответил скромно:

– Ричард Завоеватель должен знать даже больше, чем вы предполагаете. Хорошо, сэр Зигмунд, это, разумеется, останется нашей тайной. Я сейчас еду в Варт Генц по весьма настойчивой просьбе местных лордов...

Он сказал с угрюмой живостью:

– Могу догадываться...

– Что у них? – спросил я.

Он посмотрел на меня и хмуро усмехнулся:

– А то вы не знаете? Или проверяете, что знаю я? Но уже все знают, что там разгорелась гражданская война за трон. Короля не удалось выбрать с большим преимуществом кого-то, вот и пошла грызня.

Я пробормотал:

– А зачем им я?

Он хмыкнул.

– И это вы прекрасно понимаете, ваша светлость! Корону предложат вам.

Я покачал головой:

– Они уже предлагали в прошлый раз. Я отказался.

Он вытаращил глаза:

– Почему?... Хотя да, вы правы. Тогда много голосов было бы против, но сейчас вы явитесь спасителем.

Изаэль судорожно вздохнула, мы оглянулись на нее, она подалась вся вперед и глядит на меня огромными вытаращенными глазами, что и так смотрятся просто колдовски.

Я ответил медленно:

– И все-таки я откажусь снова.

Глава 8

Зигмунд откинулся на спинку кресла и долго смотрел на меня пристально, во взгляде могущественного правителя автономной области я видел мучительную работу мозга. Если человек отказывается от короны, то либо у него есть что-то более важное, что не хочет терять, либо желает выторговать нечто еще большее, чем просто корону.

– И как... им объясните?

Он сделал упор на «им», словно ему уже понятно. Я усмехнулся невесело.

– Дорогой друг, я и так нахапал... слишком. И так уже подо мной начинает потрескивать, будто сию весной на льдине.

– Это много?

– Ну да, – ответил я совсем грустно. – А если еще и Варт Генц приму, то все точно развалится.

– На вас смотрят с надеждой, – напомнил он.

Я кивнул:

– Да. Сейчас. Но вот приму я корону, все на время успокоится. Я буду ездить в Турнедо, Армландию и Сен-Мари, чтобы не забывать править и там... Расстояния о-го-го, королевства везде со сложившимся нравом... В общем, через годик-другой Варт Генц решит, что им не стоит подчинять интересы своего королевства общим интересам того огромного образования... как его ни назови: королевством, империей или республикой. Дескать, не стоит отдавать налоги в общую казну, а оттуда получать на свои нужды, проще свое оставлять у себя сразу... Да и вообще лучше возвести на престол короля из местных, что будет заниматься только Варт Генцем!

Он помрачнел, вздохнул.

– Вы заглядываете далеко вперед, ваша светлость.

– Вы видите в моих рассуждениях изъяны?

Он мрачно посмотрел в сторону.

– Не знаю, я не политик. Я просто борюсь за свой край. Сегодня. Сейчас.

– А мне надо смотреть в день завтрашний, – сказал я, – чтобы потом не переделывать в огне новых войн, которых могу избежать. Сегодня. Сейчас.

– Варт Генц, – сказал он невесело, – заботит нас очень даже, потому что это день сегодняшней. Когда дом горит, не до того, чтобы строить планы на далекое будущее.

Я тоже вздохнул, поднялся и сказал суровым голосом:

– Спасибо за прием, сэр Зигмунд. К вечеру буду в столице Варта Генца и затрону вопрос о вашем сопротивлении! Посмотрю, что мы сможем сделать, чтобы погасить этот пожар.

Он вскочил, низко поклонился:

– Спасибо, ваша светлость! Но мы все равно признаем только вашу власть. В смысле, чтобы наши земли вошли в те, которые отныне ваши.

Бобик подпрыгнул и выскочил из шатра первым, как только мы начали подниматься, за ним мы с Зигмундом, Изаэль по моему знаку потрусила следом.

Я поинтересовался легко:

– Как у вас с Сулливаном?

Он заметно напрягся:

– Сулливаном?... Ах, с Сулливаном, вашим ссыльным... Да, он заехал недавно, чтобы познакомиться, я же сосед, надо знать друг друга получше.

– И как он?

Он снова ответил с несвойственной для него осторожностью:

– Мы вроде бы сумели подружиться.

– Обо мне что-то говорил?

Он отвел взгляд в сторону:

– Чуть-чуть. Он не знает, какой из вас правитель, но считает вас рыцарем старых правил, для которого выше чести только Господь Бог, да и то лишь потому, что Господь и есть сама Честь.

Я пробормотал:

– И то неплохо. Приятно было увидаться, барон! Надеюсь, это наша не последняя встреча.

Он ответил с бледной улыбкой:

– А как мы все надеемся...

Изаэль мелко-мелко перебирает за нами лапками, едва не оттаптывает мне пятки, в страхе оглядывается на толпы вооруженных мужчин, что только и думают, как бы наброситься на нее и жутко растерзать, это же люди, они такие. Попыталась ухватиться за Бобика, но тот бодро скачет вокруг нас и высматривает с надеждой, кто с ним решится играть.

Но все они, даже Зигмунд, смотрят уже не на Пса Ада, а на дивную тонкую красоту высококороченной эльфийки, на ее изящные уши, с восторгом всматриваются в ее огромные бесконечно прекрасные синие глаза, красиво удлинённые к вискам, удивляются длинным загнутым ресницам, способным выдержать воробья...

Я вскочил в седло, Изаэль вздернул к себе, как куклу, и закутал заботливо в плащ, словно драгоценную вещь.

– Счастливо!

Мне вразнобой прокричали:

– Успеха!

– Хорошей дороги!

– Побед!

– Возвращайтесь!

Зайчик пошел легкой рысью, Изаэль со вздохом облегчения прильнула к моей груди и снова постаралась зарыться, но я не дерево, в меня не залезешь, и она просто прижалась так, что распласталась на ней, как согревающий пластырь.

Снова проехали каменный лабиринт, прижимаясь к холке арбогастра, он тоже шел почти на полусогнутых, наконец крепость осталась позади, а перед нами снова изумрудно-зеленый простор и облачное небо над головой.

Я заботливо проверил, как существо укрыто плащом, чтобы нигде не задувало, подоткнул длинные полы под ее задницу, она на удивление стерпела безропотно, даже когда не удержался я сам и ушипнул ее за сдобную булочку.

И снова мчимся навстречу ветру в грохоте копыт; Изаэль начала попискивать, я прислушался, вдруг да нечаянно придушил, спросил встревоженно:

– Что случилось? Писать хочешь?

Она помотала головой:

– Нет, это я пою.

– А-а-а, – сказал я, – хорошая у тебя песня. Главное, громкая.

– Мы музыкальный народ, – похвасталась она. – Когда мы поем, все звери сходятся слушать. А вы?

– А мы еще музыкальнее, – ответил я. – Когда поем, все звери разбегаются.

Она всерьез задумалась над таким определением музыкальности, а мимо мелькают горы и леса; Изаэль то и дело высовывалась из гнезда, наконец встревоженно вспищала:

– Это что, все еще...

– Оно, – подтвердил я, – все еще.

– И что, – спросила она с великим недоверием, – в самом деле мир такой огромный? Или ты меня возишь по кругу?

– Лапушка, – сказал я, – ты еще не видела его громадности. Если хочешь знать, он в самом деле... как бы великоват местами. Но я тебя, да, вожу по кругу.

Она удивилась:

– Зачем?

Я пошевелил оскорбленно плечами.

– А просто так! Это животные все делают только с какой-то целью, а люди чаще всего вот так, без цели и по дурости. Именно потому возникла цивилизация и развивается так бурно.

Она озадаченно задумалась и надолго умолкла, а я чуть пригнулся навстречу ветру и ушел в свои невеселые мысли, потому что помимо проблем в Варт Генце и вообще, где я появлюсь, все больше тревожит отсутствие новостей о Карле. Совсем недавно прошел где-то по этим землям, разбивая высланные против него войска и уничтожая сами королевства, долго бился о твердыню Зорра и безуспешно штурмовал крепость паладинов Кернель, но затем как-то жуткие новости о его нашествии перестали распространяться странствующими путешественниками и бродячими торговцами.

Что с ним? Затаился, собирает новое ужасающе войско? Погиб?.. Подкосила смерть старшего сына и похищение младшего?.. Но разве великих деятелей подобное останавливало?

Сиреневые облака стали оранжево-белыми, раздвинулись, между ними появилось чистейшее умытое небо, настолько радостно-голубое, словно глаза Изаэль, что я непроизвольно притиснул ее, а она только сонно всхрюкнула.

Выглянуло солнце, и мгновенно все ожило, изменилось, засверкало, вспыхнули новые краски, а старые засияли ярче.

Мимо проносятся невысокие холмы, трава бурая, сожженная солнцем, Бобик внезапно ускорил бег, а когда его настигли, он жадно пил из ручья, впадающего в крохотное озеро, вокруг только десяток деревьев, где ветви гнутся под птичьими гнездами, и пара пышных кустов с цветущими ветками.

Я остановил Зайчика, соскочил на землю и сравнительно нежно снял легонькую эльфийку.

– Пусть попьют чистой воды, – объяснил я. – А ты можешь... тоже. И вообще. А то что-то под тобой хлюпало.

– Свинья, – сказала она и гордо заторопилась к кустам, скрылась за ними, присев, и крикнула оттуда: – Свиньища!

Бобик сразу же ринулся проверять, чего это она там, из-за кустов послышался отчаянный визг, а потом удивленный гавк.

Я поил Зайчика и продумывал, что скажу лордам Варт Генца. Нужно подготовиться, потому и остановился, собственно, что мысли все еще разбегаются, а мне надо пройти по лезвию меча над пропастью, только сейчас начинаю не просто понимать, во что влез, но и пытаюсь принимать меры... но только бы не сорвалось, только бы сам не сглупил и не испортил, это я еще как могу...

Изаэль появилась свеженькая и ясная, громадные глазищи синее синего неба.

– А что, – начала она с вызовом и в ужасе отпрянула; Бобик возник перед нею, словно из ниоткуда, и, роняя капли озерной воды, совал в руки громадную рыбину и смотрел с такой надеждой, что она спросила в страхе: – Что он хочет?

– В знак любви, – объяснил я, – и признания дает тебе подарок. Если откажешься, смертельно обидишь.

– Правда?

– Возможно, – заверил я серьезно, – он тебя съест.

Она задержала дыхание и, закрыв глазищи, попыталась взять обеими руками рыбу, однако та начала извиваться, выскользнула на траву и там подпрыгивала и подскакивала.

Бобик весело скакал вокруг, радуясь то ли новой игре, то ли как подшутил над трепетной эльфийкой.

Я отвернулся, пусть ребята ребячатся, а я должен продумать для начала речь, в которой изложу свое видение случившегося и методы разрешения проблемы...

Когда я решил, что начинает что-то наклеиваться, со стороны озера раздался визг, Изаэль и Бобик мечутся у кромки воды и верещат, как две макаки.

– Упрыгала? – крикнул я. – Две вороны... Все, некогда-некогда ловить снова, едем дальше!

И снова бешеная скачка по долам и холмам, на горизонте черный дым целой стеной поднимается к небу, на миг даже полыхнуло багровым, словно огонь нашел спрятавшуюся жертву.

Зайчик все ускорял бег, Изаэль вообще зажмурилась и вжалась в меня. Запахло гарью, в воздухе разлита непонятная тревога, даже Зайчик тревожно фыркал, Бобик перестал убегать далеко вперед, несется рядом, на меня поглядывает обеспокоенно и с вопросом в крупных глазах.

Дорога вывела к селу, Зайчик тревожно прынул ушами и перешел на простую рысь, в коричневых глазах тревожное удивление: на месте домов закопченные стены, а кое-где вообще только печи.

Пламя утихло давно, часть домов на другой стороне улицы уцелела, но явно потому, что ветер дул в другую сторону, а так среди закопченных развалин множество обгорелых трупов, и хорошо бы только воинов, но по большей части крестьяне, через чье село прошла война, даже женские трупы вон, явно сперва изнасилованы, потом убиты...

Стиснув челюсти, я послал Зайчика дальше, а Изаэль крупно дрожит и прячет лицо, но что толку. Страшный запах горелого человеческого мяса преследовал нас еще долго, потому что дорога шла мимо целой вереницы сел, а все они оказались сожженными, сады вырублены, словно не гражданская война, а какая-то дикая орда прошла...

Кое-где мы успевали увидеть людей, что прятались, как мыши, завидя нас, а затем я рассмотрел вдали множественный металлический блеск, торопливо послал туда Зайчика.

Воины сидят и лежат в изнеможении вокруг холма, на вершине раскинулся большой шатер из красной материи, вокруг многочисленная стража, а среди воинов бродят лекари с окровавленными тряпками и щипцами.

Изаэль вскрикнула и едва не потеряла сознание, когда из плеча одного раненого рыцаря начали вытаскивать зазубренную стрелу.

Я привстал в стременах и помахал рукой. На меня, наконец, обратили внимание, начали поворачивать головы.

– Я Ричард Завоеватель!.. – прокричал я. – Кто здесь командует?

Один из воинов поспешно поднялся и, сильно прихрамывая на раненую ногу, кинулся к шатру. Через некоторое время оттуда вышел крупный широкоплечий воин, в руках перевернутый шлем, на ходу опрокинул себе на голову, на миг оказавшись, как за стеклом, за струями чистой воды, отдал шлем оруженосцу и пошел ко мне.

Бобик дисциплинированно зашел с другой стороны Зайчика и сел.

– Аннегрет Еафор, – назвал себя воин, – командую этим сбродом, ваша светлость.

– И как?

– Два выиграли, третье продули...

– Знаком с вашим родственником, – сказал я, – благородным Хенгестом. Вы в родстве, не так ли?.. Не думаю, что в Варт Генце много таких гигантов, как вы и ваш родственник.

Он прогудел довольно:

– Все так, это мой дядя... Ваша светлость, прошу вас в мой шатер. Это, конечно, не то, к чему вы привыкли там на Юге, но все-таки не под открытым небом.

Я соскочил, снял Изаэль и оставил, не поднимая с лица капюшона. Бобик посмотрел внимательно на Аннегрета, тот застыл, а когда Бобик отвел взгляд в сторону, с облегчением расправил грудную клетку, стараясь не показывать, что испугался: мужчины должны быть бесстрашны и вообще много чего должны и обязаны, потому и живем меньше, чем женщины.

Мы прошли к шатру, я вел Изаэль, она из-под края капюшона видит только землю, по которой ступают ее задние лапки, идет послушно и доверчиво, как мечта мужчины.

Страж отодвинул перед нами полог шатра, но первым вбежал Бобик. Внутри послышался дикий вопль, оттуда с шумом выпорхнули, как испуганные гуси, несколько человек в доспехах, даже оружие не успели достать из ножен.

Аннегрет нервно дернул щекой, вежливо пропустил нас вовнутрь. В шатре только стол и две длинные лавки, явно сколоченные здесь же на месте.

Бобик быстро пробежался по ритуальному кругу, вздохнул так тяжело, как умеют только собаки, и грохнулся посреди шатра.

Аннегрет остановился, ожидая, когда я сяду, однако я сперва повернул к нему лицом фигуру в плаще и откинул капюшон ей на спину. Аннегрет охнул и схватился за сердце, а лавина золотых волос крупными локонами хлынула на грудь и спину.

Прекрасная эльфийка подняла голову и взглянула на него огромными небесно-синими глазами с дивными густыми ресницами.

Глава 9

Аннегрет вздрогнул и застыл, глаза его начали выпучиваться и стали, как у рака.

– Боже, – прохрипел он. – Это... кто?

Бобик поднял голову и посмотрел на него с недоумением. Я оглянулся на Изаэль:

– Это? Это моя рабыня.

Бобик со стуком уронил голову и сделал вид, что смертельно спит. Аннегрет нервно сглотнул, сказал вздрагивающим голосом:

– Но... ваша светлость... Это же нехорошо, неправильно... Мы же христиане, мы не должны иметь рабов...

Я вздохнул:

– Что делать, сэр Аннегрет. Когда я покорил исполинскую империю эльфов, они поклялись стать моими рабами. У них, знаете ли, другие понятия, другие ценности, другой склад как бы ума... Кроме того, это самочка, разве не видите?

– Ну да, как же, такое да не увидеть...

– А женщина, – объяснил я мудрым голосом, – как сказал великий лорд Ницше, не может быть другом и вообще равной человеку. Слишком долго таился в ней либо раб, либо господин. Они знают только любовь!..

Он завидующе вздохнул:

– Правда?

Я сказал с сочувствием:

– Так что нельзя от них требовать больше, чем могут дать. Увы, я со своими скромными запросами довольствуюсь тем, что есть.

Он с завистью посмотрел на мои запросы, а они, быстро смелея, показали ему язык и даже нахально свернули в умильную трубочку.

Я сказал деловито:

– Сэр Аннегрет, что стряслось такое, что целый ряд лордов, можно даже сказать, сонм... или нельзя?... просили меня прибыть в королевство весьма срочно?

Он развел руками:

– Ваша светлость, я вообще-то был рад, когда вы отказались от короны Варт Генца... У моего дяди были хорошие шансы стать королем, но теперь даже и не знаю. Такое началось, что лучше уж вас, ваша светлость, хоть вы и не наш, на вартгенский трон, чем эта беспощадная резня.

– Понятно, – сказал я угрюмо. – И никто никому уступить теперь не хочет?

– Дело чести, – подтвердил он угрюмо. – Нужно было соглашаться, когда больше всего голосов отдали Хродульфу, теперь это понимаем. Ну и что, если всего на один голос больше, чем Меренвинду?

– А доблестный Хенгест Еафор? – спросил я.

Он устало отмахнулся:

– Мой дядя все равно на третьем месте. Но ввязался в борьбу за трон потому, что у него самая сильная и хорошо подготовленная к боям дружина!.. Раньше бы о себе и подумать такого не мог.

Я сказал задумчиво:

– Дурной пример заразителен.

– Вот-вот! – сказал он совсем невесело. – Теперь, думаю, согласились бы и Меревальд Заозерный, и Леофриг Лесной, что трон должен достаться Хродульфу Горному, раз уж за него больше всего отдали голосов.

Я вздохнул.

– Всего на один голос больше? Я понимаю тех, кто против... Не оправдываю, но... понимаю.

Он сказал отчаянным голосом:

– Если бы мы знали, что вот такое стряется!.. Но теперь пути назад нет...

– Почему?

– А честь? – спросил он. – Что подумают на того, кто отступит?

Я предположил:

– Подумают, что вот наконец-то умный...

– А вдруг решат, – спросил он отчаянно, – что трус?

– И такое могут, – согласился я, – люди разные. Потому и люблю эльфов! Все, как доски в заборе... В хорошем заборе, новеньком и покрашенном. Вроде палисадника вокруг цветочной клумбы в хорошем коттедже.

Он то и дело косился на мои запросы, но Изаэль стоит смирно столбиком, в самом деле, как рабыня, ждущая приказаний, смотрит больше в пол, но ее удивительно вылепленные ушки подрагивают, улавливая разговоры не только в шатре, но и за его пределами.

– М-дя, – проговорил он жалко, – ага, как бы вот... Все-таки скорее решат, что трусим...

– Люди такие, – согласился я. – На хорошее никогда не подумают. Хотя, казалось бы...

– Вот-вот, – сказал он со вздохом, – потом никто назад ни шагу. Чтоб не подумали что-то такое, что уронит рыцарскую честь.

– Назад и не нужно, – возразил я. – Зачем это назад? Только вперед! Но – с учетом того, что натворили.

– И чего еще натворим, – сказал он кисло. – Я велю подать обед? Вина, пива?

– Я не хочу, – сказал я, – а моей рабыне не полагается. Ваш дядя далеко?

Он сразу подобрался, посмотрел на меня с надеждой.

– Его лагерь всего в пяти милях отсюда! Вы ему поможете?

– Я хочу помочь всем, – ответил я. – В первую очередь – королевству.

Он тяжело вздохнул, развел руками и опустил голову.

– Да-да, простите, я еще эгоист, не дорос до мышления в масштабах королевства.

Я поднялся, кивнул своим интересам:

– За мной, существо!

Первым подхватился и выскочил Бобик, Изаэль послушно засеменила за всеми нами. Аннегрет косился в ее сторону так, словно мечтал попросить взять на руки и нести, но не решался на такую великую дерзость.

Воины лагеря собрались в широкий круг, мы еще издали слышали восторженные вопли, а в центре стоит Зайчик и со смачным хрустом жрет, как сочную капусту, крупные пурпурные угли из костра.

– Вот свиньи, – сказал я с сердцем, – не один, так другой что-то да сожрет в гостях. Изаэль, хоть ты ничего не подбирай и не жри по дороге!

Нежная эльфийка посмотрела на меня так обиженно, что мне почти захотелось извиниться, а Аннегрет засопел в праведном гневе и пощупал рукоять меча.

Я свистнул, Зайчик подбежал, дохрустывая лакомство. Я поднялся в седло и вздернул к себе свои интересы.

– У вас вполне образцовый лагерь, – сказал я Аннегрету. – Учитывая, что вы недавно из боя... Так и скажу вашему дяде.

Он смотрел все еще хмуро, оскорбленный грубым отношением к рабыне, которую можно прямо в императрицы, но поклонился и ответил вполне учтиво:

– Я счастлив заслужить высокую оценку самого Ричарда Завоевателя.

Я вскинул руку в прощании, Зайчик красиво поднялся на дыбы и помесил воздух копытами, а за это время Бобик сделал мощный прыжок и унесся вперед, опять же, морда, точно угадав направление.

Во второй половине дня воздух прогрелся так, что стало душно, как перед грозой. Солнце начало сползать по хрусталу небосвода, как яичный желток, оставляя за собой след, такой же красновато-оранжевый, поджигающий облака, что застыли на небе, как короста от недавней раны.

Изаэль, навертевшись, словно у нее там шило, засыпала вопросами, о чем же мы таком говорили, что ничего не понятно, и почему так все сложно, ведь у мудрых и замечательных эльфов все кристально ясно, а у диких и примитивных зверей, что называют себя людьми, как-то все запутанно, будто ко всему еще и сумасшедшие...

Я объяснял честно и правдиво, все равно не поймет, потому можно не врать, она восхитительно хлопала громадными ресницами и удивлялась все больше, а я горделиво расправлял плечи во всю ширь, довольный, что такой умный.

Наконец я сказал обнадеживающе:

– Ничего, сейчас приедем к его дяде, лорду Еафору, так ты вообще ничего не поймешь!.. Здорово, правда?

Она закопошилась, чтобы отодвинуться и посмотреть в мое честное серьезное лицо.

– Почему здорово?

Я удивился:

– А как же, столько нового!

– Эльфы не любят нового, – заявила она с достоинством. – Мы чтим Традицию.

– А ты? – спросил я в лоб.

Она ответила дерзко:

– А я – особенно! Только я еще и люблю узнавать, что вокруг нашего Леса вы такое непотребное вытворяете. Что нам грозит, чего бояться, к чему готовиться.

– Молодец, – похвалил я. – Держись за меня крепче, ходи за мной хвостиком, лови каждое слово, выполняй каждое желание, и тебе будет щасте!..

– Какое?

– Откроется истина.

– Правда? – спросила она наивно.

– Правда, – заверил я и понял, что да, уже гожусь в политики, если могу вот так, не моргнув глазом, соврать даже такому чистейшему ребенку и обжудить его на пустом месте.

Лагерь лорда Хенгеста Еафора раскинулся куда привольнее, чем у его племянника, прошедшего через жестокую битву, а здесь только готовятся. Слышны издали беспечные песни, здоровый мужской хохот, а шатров впятеро больше, чем у Аннегрета.

Самый огромный, разумеется, у верховного лорда. Расположен в центре на возвышении, на особом помосте, чтобы Хенгест прямо от входа мог видеть весь лагерь.

Нас встретили настороженные часовые на краю лагеря, слишком уж быстро мы приблизились, даже налетели.

Я заговорил первым строго и важно:

– Ну что разбенькались?.. Не узнали?

Один пробормотал настороженно:

– Теперь узнали, ваша светлость, а так уж больно неожиданно... Только пыль вдали взвилась, а потом из нее враз вы и этот верблюд с клыками...

– Мы еще те верблюды, – заверил я. – А теперь побыстрее ведите нас к своему лорду... да пошевеливайтесь, коровы недоенные!

Двое часовых сорвались на бег, мы же продолжали путь шагом, и, когда приблизились к шатру, Хенгест уже вышел, такой огромный, что почти вровень со мной, хоть я на коне.

– Сэр Ричард, – сказал он почтительно, хотя мог бы сказать и «ваша светлость», все-таки волей лордов Варт Генца я ношу звучный титул ландесфюрста, но назвать меня так в это смутное время – признать мое право отдавать приказы, ведь титул давали просто, чтобы отметить мои заслуги. – Никого бы я так не хотел видеть, как вас, дорогой друг... и наша надежда.

Я спешил, Хенгест обнял меня, чем изрядно удивил, не настолько мы дружны, затем я ссадил эльфийку, все еще закутанную в плащ и с капюшоном, ну нравится мне видеть изумление на лицах, когда театральным жестом открываю ее безумно прекрасное сияющее лицо молодой зверушки.

Он с сомнением посмотрел на Бобика, что дружелюбно улыбался ему, показывая острые клыки и помахивая хвостом.

– Этот конь с клыками тоже с вами?... Ну да, что это я... Прошу в мое нынешнее жилище, дорогой друг.

Бобик, понятно, вбежал первым, мы последовали за ним, я сказал с порога:

– О, у вас тут даже ложе!

Хенгест сказал укоризненно:

– Это ложе?... Это лежанка, у меня от нее болят все кости. Я уже и забыл, что такое ложе, хотя вроде бы все началось как будто вчера, а уже столько дров наломали!

– Соболезную, – сказал я. – С другой стороны, честь, подвиги, слава, богатая добыча...

Он скривил лицо.

– Да, конечно. Но лучше бы честь и славу добывать за пределами. Ну там на Скарлянды напасть или на Гиксию... Ну что за жизнь? Эй, подать вина и всего самого-самого для двух... или сколько нас тут, настоящих мужчин!

Он с сомнением посмотрел на закутанную в плащ крохотную фигурку. Я уже заученным жестом сбросил ей капюшон, а Изаэль медленно подняла голову и посмотрела на Хенгеста дивно-синими глазами, что размером с горные озера, взмахнула ресницами, и мы ощутили от них ветер, даже полог колыхнулся.

Хенгест застыл как каменный, потом прохрипел таким голосом, словно трескалась скала:

– Это... это что... у вас... за чудо?

– Барабанщик, – пояснил я.

Он смотрел на Изаэль неотрывно, повторил тупо:

– Барабанщик?... А что это?

Я отмахнулся:

– У вас нет барабанщиков? Тогда правофланговый. У вас как насчет правофланговых?... Ну вот, везде та же история.

Он сказал почти шепотом:

– Но это же... самочка!

– Все равно барабаню, – ответил я. – Так что за политическая ситуация сейчас в Варт Генце?

В шатер начали входить один за другим роскошно и совсем не по-походному одетые слуги, у всех в руках уставленные подносы, на стол перегрузили кувшины с винами, расставили чаши, а на блюда выложили все роскошества, что доступны богатому и могущественному лорду, будь он дома или в походе.

Я поднял Изаэль, как куклу, и переставил в угол, чтобы она видела нас обоих, после чего с Хенгестом сразу опробовали вино, пожевали мясо, затем он сказал тяжело:

– Вы меня пнули в самое больное место.

– Как так?

– Политическая ситуация, – проговорил он, – говорит о нашей... нет, не тупости, а о короткой памяти.

– Вот как?

– Мой племянник вам кое-что рассказал?..

– Совсем немного, – ответил я.

– Ну да, – произнес он с тяжелым вздохом, – понимаю. Он прав, многие хоть и выражали сожаление, что вы так благородно отказались от трона, но втайне обрадовались. Да вы и сами это поняли, потому и отказались...

– Не только, – сказал я, – но это тоже, вы правы.

– Фальстронг, – проговорил он с горечью, – был настоящим королем! Но когда династия так неожиданно пресеклась, слишком многие ощутили, что да, они тоже могут, почему бы и нет?..

– Вполне предсказуемые мысли, – сказал я.

Он взглянул на меня остро, словно заподозрил, что я подобный расклад событий рассчитал и понял давно.

– Последняя война, – пояснил он, – за трон была триста лет тому.

– Вы счастливые, – заметил я.

Он вздохнул.

– В ее результате воцарилась династия Лаутергардов, последним и был Фальстронг с детьми. Увы, за столько лет все уже забыли, что бывает, когда начинается борьба за корону...

Я помалкивал, сказать нечего, все и так как на ладони, нужно быть мудрым эльфом, чтобы не врубиться, а Хенгест, хоть и вздыхает тяжело о судьбе несчастного королевства, то и дело косится на прекрасную эльфийку, что скромно и смиренно стоит в углу.

Наконец он пробормотал:

– Конечно, это против правил... допускать за стол столь благородных людей, как мы, посторонних... но... как бы...

– В особых случаях? – подсказал я.

Он сказал обрадованно:

– Да, вы правы, мой лорд. Мы же в поле, а не во дворце!

– Я нахожу ход ваших мудрых мыслей правильным, – заметил я. – Но хозяин вы, вот и решайте...

Он вскочил, как громадный бурундук, в мгновение ока оказался возле Изаэль, как она только от ужаса не пустила лужу, когда навис над нею громадной тушей.

– Ваша эльфийскость... – просюсюкал он громающим голосом, – мы будем безумно почтены... если вы изволите оказать нам счастье... отобедать с нами...

Она не ответила, страшится, что пищущий голосок вовсе откажет или сорвется от ужаса, только царственно наклонила пышную россыпь золотых волос вместе с головой.

Он взял ее за безжизненную кисть и, содрогаясь всем телом от счастья, провел к столу.

Я сказал несколько недовольно:

– Вернемся к нашим проблемам. Итак, какой расклад сил?

Глава 10

Он опустился в свое кресло, ликующее выражение лица стерлось, будто я по нему провел мокрой тряпкой, сразу стал каким-то отяжелевшим и постаревшим.

– Тупиковый, – ответил он неохотно, – я бы сказал. У меня самая боеспособная дружина как в смысле боевого опыта, так и вооружения. У Леофрига намного слабее, зато у него она почти впятеро крупнее... Хродульф так и вовсе ни в одни ворота...

– Что с ним?

Он отмахнулся:

– У него, как все говорят, королевство в королевстве. Самый богатый и могущественный из лордов, почему и получил больше всех голосов... но не достаточно, чтобы перевес бы ощутил. А земли у него разбросаны по всему Варт Генцу. Вообще-то не зря ему отдали большинство... Он, как говорится, наиболее влиятельный, но получил бы гораздо больше, если б у него был хоть один сын.

– Три дочери? – сказал я. – Что-то слышал...

– Да, – ответил он. – Хотя он недавно взял другую жену, а эта обещает нарожать сыновей...

Я обронил со вздохом:

– Обещать можно все...

– Вот-вот, – сказал он, – а вдруг дело не в женах, как мы обычно спихиваем на них все?

– А Меревальд Заозерный? – спросил я. – Он показался весьма... дельным.

Он поморщился, кинул:

– Да, этот вообще... У него нет дружины, нет больших владений, но он был советником Фальстронга последние десять лет.

– Хорошим?

– Говорят, очень.

– Фальстронг не стал бы держать некомпетентного, – заметил я.

– Да, Фальстронг умел выбирать людей.

– Я слышал, – сказал я, – именно Меревальд обратил внимание на земли, где ничто не росло из-за проклятой соли, и предложил устроить там соляные копи.

Он кивнул с кислой улыбкой:

– Да, с тех пор, как говорят, казна получает немалые деньги на торговле этой солью внутри королевства.

– И за его пределами, – сказал и я добавил дипломатически, – как я однажды слыхивал.

Он пробормотал:

– Этим он и силен. Пока мы тут деремся, он в столице приобретает новых сторонников. И я даже не уверен, что победивший здесь в битве... гм... будет с восторгом принят в столице. Трон все равно теперь придется захватывать мечом и кровью, но хотелось бы... как бы сказать... чтобы это было хоть малость одобрено в королевстве. Не враги же, в самом деле, стараются вырвать друг у друга бесхозную корону!

Я подумал, со вздохом отхлебнул еще вина, с еще большим вздохом опустил чашу на стол.

– Мне кажется, – сказал я весело, – конфликт пора переводить во вторую фазу.

Он насторожился, но в то же время спросил с надеждой:

– Это как?

– Начинать создавать коалиции, – пояснил я. – Это первое правило любой войны. Если не удастся самому, нужно искать союзников.

Он спросил тупо:

– Но... корона-то одна!

– Вот именно, – ответил я. – Но что лучше, проиграть и остаться ни с чем либо договориться с кем-то и совместными усилиями опрокинуть противника? А потом поделить добычу на двоих. Заранее договориться, что один получает корону, а второй – все остальное. Ну, что-то очень значимое – земли, богатства, власть... Да-да, второй после короля по должности.

Он подумал, буркнул:

– Это да, хороший ход... Но я не хочу быть вторым!

– Я это и не предлагал, – уточнил я. – Но если вторым у вас согласится Хродульф, Леофриг или Меревальд?

Он просиял:

– Тогда да!

– Тогда срочно начинайте консультации, – сказал я. – Пора кончать эту войну. Если сейчас не договориться, она разольется по всему королевству...

Он буркнул:

– Уже, мой лорд.

– Уже, – вздохнул я горько, – а теперь будет набирать силу. И обиды станут множиться и крепнуть. Сегодня вы только соперники, завтра станете лютыми врагами. И крови будет литься все больше и больше. Каждый будет готов умереть и весь мир погубить, но только не уступить сопернику.

Он сказал торопливо:

– Сэр Ричард! Я не настолько упрям. По крайней мере сейчас. Потом, когда меня доведут, да, попру, закусив удила, а сейчас я готов договариваться.

– Прекрасно!

– Только Хродульфа и Леофрига, – предупредил он, – я ненавижу, они на меня напали, сволочи, сразу же после того, как я на них напал. Это немыслимо и непростительно, а вот с Меревальдом я готов, вполне готов... Думаю, он согласился стать вторым.

– Уверены?

Он пояснил:

– При Фальстронге он все-таки вторым не был. Вторым был старший сын Роднерик, затем принц Марал, Эразм, даже внук Дуглас...

Я напомнил:

– А как вы думаете, с ним не захотят договориться Хродульф и Леофриг?..

Он вздрогнул, напрягся.

– Об этом как-то не подумал...

– А стоило бы, – заметил я мирно, – у них тоже есть что предложить. Например, то же самое насчет второго человека в королевстве. Плюс Хродульф подарит часть своих необъятных земель...

Хенгест зло ругнулся, тут же бросил взгляд на тихую мышастую эльфийку, стал меньше ростом и проблеял застенчиво:

– Прошу меня простить... леди...

Она, уже освоившись малость, царственно наклонила голову в обрамлении золотых волос, излучающих настоящий солнечный свет.

– Я все равно ничего не поняла...

Голосок ее прозвучал нежно и сладко, но без явного страха. Я вздохнул с облегчением, а Хенгест, не услышав неодобрения, расцвел, словно ему подарили перевязанного розовыми лентами слона.

– Наверное, – напомнил я, – гонцов нужно послать немедленно. Пока другие не послали.

Хенгест снова посерьезнел, отвратил взор от прекрасного существа ко мне, тяжело вздохнул.

– Сейчас же сделаю. Только... как бы это сказать...

– Что? – спросил я.

Он замялся, развел руками:

– У меня самая боеспособная дружина, больше всего побед, и вдруг я хочу вести подобные переговоры?..

– Но вы же хотите?

– Хочу, – сказал он сердито. – Но если мы сделаем так... я пошлю гонца насчет переговоров, но он скажет, что прибыл сэр Ричард Завоеватель, которого мы все так уважаем, так уважаем, что ну вот прям... а он настоятельно советует нам в интересах нашего королевства, о котором мы все-таки заботимся...

Я прервал:

– Понял вас, мой дорогой друг! Действуйте. От меня или не от меня, но эти переговоры нужно начинать как можно раньше. Страна еще не изнемогает от распрей, но это будет очень скоро. Лучше до этого не допустить, вам нужны богатые земли и здоровые сытые овцы... Ну, раз мы с вами выяснили этот важный момент, я поеду дальше.

Он спросил с хмурым подозрением:

– К Хродульф? Или Леофригу?

Я удивился:

– Зачем?.. Я их вовсе не знаю. Навещу своего старого друга графа Меганвэйла, с которым мы так красиво захватывали среди темной ночи пограничную крепость турнедцев!

Он сразу посветлел, подозрительность улетучилась, проговорил подобрешим голосом:

– Этот военачальник... мудр. Он не влезает в наши распри. Правда, и армии у него почти нет. А то, что есть, сейчас топчется на южной окраине, что-то там пытается насчет турнедских земель, что не хотят выполнять условия по разделу Турнедо.

Я встал, он тут же вскочил, несмотря на громадный рост и вес, поклонился Изаэль.

Она поднялась медленно и царственно, милостиво опустила ресницы, но дальше все испортил я, попросту взял ее за плечи и вынес из шатра.

Задремавший было Бобик ринулся следом, едва не сбил нас с ног.

– Зайчик, – крикнул я. – Не подражай Бобику, не жри всякое... а то весь лагерь сожрешь!

Зайчик посмотрел оскорбленно, подошел и встал боком, отворачивая морду. Я все-таки обнял его и чмокнул в нос, а потом поднялся в седло и вздернул к себе Изаэль.

Хенгест переступал с ноги на ногу и шумно вздыхал, на мой взгляд, ему сейчас совсем начхать на все королевство.

Я вскинул руку в прощальном жесте.

– Увидимся!

Зайчик пошел в галоп, Изаэль тихонько повизгивала и начала дотошно расспрашивать, о чем мы говорили. Из всего сказанного она только и поняла, что мы оба разговаривали, на что я сказал нечто одобрительное насчет прогресса в понимании трудной судьбы человечества и отдельных людей.

Она затихла, довольная, а я вспоминал слова Хенгеста, что армии у Меганвэйла нет, а какой военачальник смирится с тем, что под его рукой нет солдат? И чем больше, тем лучше?..

Значит, Меганвэйл инстинктивно будет на моей стороне, когда я, желая счастья и благополучия Варт Генцу, восхожу для начала сделать самое простое: укрепить армию. А в нашем случае он поможет всеми фибрами для начала ее создать.

Сейчас те боевые отряды, из которых состояла армия Меганвэйла, разошлись по своим землям. В Варт Генце, как и во всех королевствах, феодалы приходят по зову короля каждый со своим войском и обозом.

Впрочем, они не просто разошлись, а упорно воюют друг против друга, защищая интересы каждый своего кандидата на королевский трон. Таким образом, единой армии нет, а если

учесть, что, кроме трех больших, есть и множество мелких, что пользуются случаем, чтобы в сладкий период беззакония придушить и ограбить соседа, то картина совсем безрадостная...

И даже, мелькнула мысль, если трое, даже четверо, кандидатов договорятся, им еще нужно будет долго искоренять банды разбойничающих баронов, а достать их в неприступных замках очень непросто...

Граф Меганвэйл, как мне сообщили, временно находится в своем родовом замке. Направление нам дали, я пустил Зайчика вскачь, навстречу холодный ветер, а я существо уже сен-маринское, нежное; под копыта навстречу катит и катит туман, ветер не разгоняет его, а сбивает, как из сметаны масло, в плотные осязаемые комья.

Изаэль дрожит и пугливо косится по сторонам огромными глазищами, ей чудится, что вот уже мы на краю Мира, дальше ничего нет, а мы с разгону рухнем с обрыва к корням Мирового Дерева.

Конская сбруя блестит мельчайшими бисеринами влаги, я сам чувствовал, как покрываюсь водной пленкой, в которой еще и запах прелой земли, старых опавших листьев и почему-то горелых птичьих перьев.

Затем снова показались дома, огромная деревня, за нею – еще две, одинаковые квадраты полей, и вскоре Изаэль восторженно охнула, увидев гордое и прекрасное строение из коричневого камня, что возносится к небу неудержимо, словно растет, а две башенки по краям вообще чудо архитектуры, настолько все уравновешено, гармонично и прекрасно.

– Я даже не думала, – прощепетала она в диком изумлении, – что люди могут и что-то красивое...

– Люди? – удивился я. – Наверное, это все-таки пленные эльфы строили под плетями.

Она возмутилась:

– Пленные? Эльфы ни у кого никогда в плену не были. Это ты вот только меня хитростью захватил и мучаешь.

– Еще не то будет, – пообещал я.

– Совсем замучаешь?

– И это тоже, – подтвердил я. – Но пока я про замок... А что, мой дворец в Савуази хуже?

Она помотала головой.

– Я пробралась, прицепившись снизу к телеге, что везла убитых животных на вашу кухню, какие вы все-таки звери, разве же можно их убивать, таких милых, а оттуда сразу шмыгнула через прачечную!..

– Молодец, – похвалил я. – Но выезжали уже днем. Что, все забыла?

– Ничего я не забыла, – огрызнулась она. – Ты меня так придушивал, что я отдышалась только возле нашего Леса.

– Молодец, – одобрил я. – Уметь брехать искренне и глядя в глаза – это искусство доступно только женщинам и политикам.

– А со мной ты тоже политик?

– С тобой я любящий тебя мужчина, – ответил я гордо и подумал, что политик остается политиком всегда, это уже не выбить. – Теперь давай надвинем капюшон...

– Зачем? – полюбопытствовала она. – Или еще нужно прятаться?

– Ритуал, – вздохнул я. – У людей все на ритуалах. И чем человек сложнее, тем у него ритуалов и ограничений больше. И вообще я так люблю их ошарашивать, когда медленно так это, как театральный занавес, поднимаю край капюшона и смотрю не на тебя, а на их меняющиеся лица...

Я потянулся за рогом, но на воротах сверху замахали руками, створки начали раздвигаться широко и мощно, словно впускают целую армию.

Бобик вбежал, распугивая народ, и оглядел тут всех страшными горящими глазами: а ну, кто здесь будет бросать мне палку? С кем будем бегать наперегонки и красть из кухни мясо?

Воины вскрикивали:

– Ваша светлость!..

– Сэр Ричард!

– Ландесфюрст прибыл!

– Наш вожак...

Последнее совсем уж удивило, пока я не увидел в переднем ряду окружившей нас толпы вооруженных людей Шнайдера и Шмидта, с которыми тогда ночью взбирался на стену вражеской крепости.

Дружески помахал им, чем вызвал бурю восторга у всех, соскочил с коня и обнял обоих, не дав преклонить колени, это вообще привело всех в ликующее неистовство.

Из донжона торопливо выскочил граф Меганвэйл, и я подумал, что впервые вижу его в цивильном, а не в дорогих и тщательно подогнанных доспехах аристократа.

Бобик ринулся к нему навстречу и помахал хвостом, объясняя, что узнал. Меганвэйл на ходу с опаской поскреб ногтями ему плиту лба, ко мне пошел было с распростертыми объятиями, потом, словно нечто вспомнив, резко преклонил колено и склонил голову.

– Ваша светлость...

Я сказал с неудовольствием:

– Бросьте, граф, мы же друзья! К тому же вы не мой вассал. Встаньте, дайте вас обнять...

Он поднялся, я в самом деле его обнял весьма сердечно, хотя страсть как не люблю это дело, да еще когда приходится вот так покровительственно обнимать людей старше себя вдвое, в этом случае всегда чувствую себя каким-то жуликом, несмотря на то что, да, политик я уже что надо.

– Ваша светлость, – воскликнул он с чувством, – теперь у нас появилась надежда.

– Ну да, – откликнулся я нервно, – если намекаете на какое-то мое участие, то забудьте, граф.

– Ваша светлость!

Я сказал, защищаясь:

– Могу же я просто приехать вас проведать? По дружбе?

Он вскрикнул:

– Я счастлив оказанной мне честью. Но, ваша светлость... Ах да, пойдете-ка в дом, там за столом и поговорим.

Я повернулся, снял с седла неподвижную фигурку в плаще и с капюшоном, надвинутым по самый подбородок, и поставил ее на землю.

– Это мой виночерпий, – объяснил я. – Ну, как Ганимед у Зевса... раз уж без отряда сопровождения ездить неприлично.

Глава 11

Перед нами бежали воины и старательно распахивали двери. Я увидел среди них Беккера, этот тоже был в ночном рейде, сейчас улыбается во весь рот, теперь догадываюсь, кому обязан такой популярностью среди солдат Меганвэйла.

В малом, но роскошно убранном зале уже торопливо накрывают стол чистой скатертью, зажигают все свечи, чтобы светло и празднично, двое дюжих мужиков ухватились за канат, которым подтянут к своду люстру, а пока слуги торопливо зажигают свечи быстрыми и экономными движениями.

Граф остановился у кресла и выжидал, когда я сяду, однако я, уже как заправский работник передвижного цирка, повернул к нему лицом темный столбик в плаще и начал поднимать капюшон.

Изаэль смотрит вниз, наклонив голову, и граф сперва ахнул, увидел роскошное золото волос, затем охнул, когда эльфийка медленно подняла лицо и посмотрела на него сказочно прекрасными глазами, во всем полутемном и сером зале это единственно яркие цвета сверкающей глубокой синевы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.